

A movie poster for the film 'Sheluxa'. The background is a detailed painting of a historic town, likely Tbilisi, with buildings built into a hillside. In the foreground, a man in a dark suit and a woman in a red dress are walking away from the viewer, holding hands. The man is on the left, and the woman is on the right. The title 'Шелуха' is written in large white letters at the bottom. The author's name 'Григорий Лолишвили' is at the top. A rating '18+' is in the bottom right corner.

Григорий Лолишвили

Шелуха

18+

Григорий Лолишвили

Шелуха

«Автор»

2026

Лолишвили Г. П.

Шелуха / Г. П. Лолишвили — «Автор», 2026

Роман «Шелуха» рассказывает об одном дне советского обывателя Александра Коридзе и полностью погружает читателя в атмосферу Тбилиси 8 апреля 1981 года. На фоне исторического матча «Динамо Тбилиси» с голландским «Фейенордом» автор мастерски разворачивает сложную панораму человеческих судеб. Роман построен по принципу контрастной мозаики. Перед читателем поочередно проходит вереница разных персонажей. Супруга главного героя его друзья, соседи и случайные персонажи этого дня - следователь РОВД, таксист, патрульный милиционер, бездомный, пианист, алкоголик. У каждого свои проблемы, скелеты в шкафу и скрытые мотивы. Все эти линии стягиваются в тугую узел вокруг одного дня. Главные достоинства романа психологизм и метафоричность. Автор часто обращается к Гомеру, его главный герой замаскированно повторяет эпизоды из "Илиады" и "Одиссеи", подобно герою романа Джойса - Улисс. Книга понравится любителям психологических детективов, советского ретро и глубокой качественной прозы.

© Лолишвили Г. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	37
-----------------------------------	----

Григорий Лолишвили

Шелуха

Аннотация

Роман «Шелуха» рассказывает об одном дне (8 апреля 1981 года) советского обывателя – инженера Александра Лаэртovichа Коридзе.

Это психологический роман – триллер. А также книга о любви, друзьях, важности прощения и семейных ценностях.

Перед читателем поочерёдно проходит вереница героев этого дня: Александр, Ирма, Анжела, Амиран, Ашот, Всеволод Орлов, таксист, следователь РОВД, пианист Давид, алкоголик Гигла и другие персонажи со своими проблемами.

Действие книги происходит в конкретный день – 8 апреля 1981 года. Вечером этого дня советская футбольная команда «Динамо» Тбилиси принимала на своём поле голландский клуб «Фейенорд» в полуфинале кубка обладателей кубков Европы.

Любовь, дружба, горе, радость, прощение, человеческие характеры. Можно ли прожить один день как целую жизнь?

Обращение автора к читателям

Уважаемый читатель, я хочу слегка забежать вперёд и кое-что разъяснить. Когда человек берёт в руки новую книгу, он решает стоит ли читать или нет. Я постараюсь облегчить принятие этого решения, ведь я сам не раз принимал подобные, и прекрасно понимаю, что тратить время на чтение имеет смысл только тогда, когда книга соответствует твоему мировоззрению и литературному вкусу.

Начну с языка диалогов. Я намеренно писал диалоги персонажей именно так, как разговаривали между собой люди, там где разворачивалась эта история – в советском Тбилиси.

Вот пример – Клара рассказывая соседке о сыне говорит:

"Это Лёвик вырезал из журнала, – вмешалась Клара, – Я сначала *не пускала чтобы на стенку вешал*. Говорю ему, – Здесь кухня, не кинотеатр, – но Ашот заступился..."

Вот оно – "Я сначала *не пускала, чтобы на стенку вешал*".

Разумеется на литературном русском языке скажут так: – "Сначала я не позволяла Лёвику..."

Но многие персонажи книги, не являются образованными людьми и разговаривают на русском языке используя просторечные выражения, а иногда и коверкая русский язык, который для них не является родным. Именно так разговаривали, да и разговаривают в наши дни многие тбилисцы, бакинцы, ташкентцы, которые не имеют академического образования на русском языке. Это речь простых людей.

Поэтому для меня было принципиально важно, чтобы речь героев была настоящей и передавала истинную атмосферу города, в котором я вырос.

Кажется это так просто, но выяснилось, что нет. Одно из российских издательств, которому я отправил рукопись, проявило к ней интерес, но предложило внести ряд изменений, например, "выправить", как выразился редактор, диалоги, сделать их академичными. Не скажу, что "сразу гордо отверг" это условие. Напротив – я долго думал, колебался, ведь на кону стояла мечта любого писателя, быть опубликованным в хорошем издательстве.

Я решил ничего не менять и самому издать книгу в электронном формате. Так мне кажется будет правильнее.

Следующий момент, который надо прояснить это сюжетные особенности. В каждой главе за советской действительностью проглядываются контуры странствий Одиссея. Но при этом

также имеются параллели с «Илиадой» в частности осада греками Трои, а также с «Божественной комедией» Данте.

Важно! Читатели слабо знакомые с гомеровскими «Одиссеей» и «Илиадой» ничего не теряют. Основная сюжетная советская линия самодостаточна и «второе дно» просто станет, для тех кто его разглядит, дополнительным призом и возможностью для размышлений.

Я приведу три примера:

1 Приход героя в кабинет начальника Гурама Полифемовича – это хрестоматийный эпизод в котором Одиссей попадает в пещеру циклопа Полифема. Действие, разговор, общая атмосфера главы – современные аналогии с гомеровским эпизодом. Одиссей напоил циклопа вином. Полифем в благодарность за вино пообещал Одиссею съесть его последним. Александр преподносит Гураму Полифемовичу подаренное Ашотом вино, и тот обещает уволить его с закрываемого проекта последним.

2 Первая глава, пребывание Александра в доме своего приятеля армянина Ашота, который служил прапорщиком в советском контингенте в Афганистане и недавно после ранения уволился из армии и вернулся в родной город, совпадает с пребыванием Одиссея в доме Эола и дальнейшим приключением. Эол вручает на прощание Одиссею мешок с ветрами, напутствуя не развязывать его раньше времени, чтобы ветры вырвавшись на свободу не сбили корабль Одиссея с верного пути. Спутники Одиссея послушавшись его приказа открыли мешок, ветры вырвались на свободу, разогнали корабли, а корабль Одиссея пригнали обратно к острову Эола, но на этот раз Эол не принял Одиссея. Подобно тому эпизоду, Ашот на прощание вручает Александру сумку с домашним вином в подарок. По дороге домой Александр проходит мимо хлебопекарни, где работает их с Ашотом общий друг пекарь Амиран. В этот ранний час Амиран приглашает друга зайти на пару минут и уговаривает его, несмотря на все возражения, попробовать вино Ашота. Затем Александр слегка опьянев возвращается к Ашоту, но Ашот спешит на работу, отчитывает Александра (как Эол Одиссея) и к себе не приглашает, а требует чтобы он возвращался домой.

3 В середине дня Алик посещает больницу по поручению начальника Гурама Полифемовича. В больнице Алик задумался, заплутал и оказался в подвале, где повстречал загадочного санитаря (проводника), хирурга с шевелюрой похожей на львиную гриву, заметил тень на стене похожую на волка. Это параллели с Божественной комедией Данте Алигьере («Земную жизнь пройдя до середины, я очутился в сумрачном лесу...»).

Кроме того, в однодневном романе есть две вставные (шкатулочные) истории из прошлого. Одна из недавнего, а другая из далёкого 1921 года. Оба эпизода в нужное время переплетутся с событиями дня повествования.

Напоследок отмечу, что советская действительность показана с особой скрупулезностью и отличается вниманием к деталям вплоть до программы телепередач того самого дня. Перемещения персонажей по городу, равно как советские названия улиц и переулков, проверены и рассчитаны автором поминутно.

С уважением Григорий Лолишвили

ШЕЛУХА

Время это совокупность всех изменений. Автор

Пролог

Коллея оставленная трактором вдоль поля, плавной серой лентой огибала стену кукурузы. Конец лета выдался засушливым. Земля была сухая испрещённая узорами стальных

гусениц, прошедшихся по ней ещё до засухи и отпечатавшихся так глубоко, что приходилось смотреть под ноги чтоб не споткнуться на затвердевших гранях тракторного следа там где он задевал обочину дороги.

Человек уверенно кроил шагами дорогу вдоль поля. Он внимательно поглядывал по сторонам с пытливым интересом городского жителя, примечая подзабытые им штрихи сельской жизни, навевавшие неожиданную лёгкую и приятно пощипывавшую грудь и живот ностальгию.

По дороге сновали юркие трясогузки. На пыльной обочине упрямо зеленели листья подорожника. Поодаль в жидкой траве беспорядочно рассыпались потемневшие от жары шарики белого клевера. Пчёлы не обнаружив в них нектара, разочарованно гудя взлетали с клевера, перелетали бело-жёлтые ромашки увитые так и льнущими к ним гибкими стеблями беззаботных луговых сорняков и опускались на синие цветы цикория.

За кукурузным полем рос лес, и лёгкий ветерок приносил оттуда тимбальный звон томящихся от любовной страсти цикад. Ландшафт кувыркался. Дорога вдруг игриво приподнималась дугой, как бровь на удивлённом лице, а поле спускалось от дороги к лесу, так что сверху можно было легко окинуть взглядом, сливающиеся в одну волнуемую ветром поверхность, верхушки рослых осанистых растений.

А когда спускалась дорога, человек шагая по ней вниз, словно проваливался, становился на голову ниже посевов. Тогда густое море маиса распадалось на отдельные фрагменты – пушистые плюмажи, которые неустойчиво покачивались на фоне синевы летнего неба, отвислые малахитовые листья, под которыми наискосок, словно их небрежно зажали под мышкой, виднелись спелые чубатые початки упруго налившиеся за лето солнечным светом. Зелёные одежки салатного оттенка бережно прикрывали нежные ряды белых с лёгкой желтизной зерен, в которые хотелось вонзить зубы и ощутить их хрупкий волнуемый хлебно-молочный вкус.

Здесь в густой тени коротко пересвистывая перепархивала с места на место птичья мелюзга, хоронящаяся в кукурузе подальше от ястребиных и вороньих глаз. Земля жадно дышала набухшими изломами трещин. Они источали сладковато горький запах почвы смешанный с ароматами полевых цветов.

Вскоре рыжая кукуруза сменилась бледной низкорослой пшеницей. Человек не удержался, шагнул в поле, высматривая на ходу колос покрупнее, выбрал, сорвал и растёр его на ладони, отделяя зёрна от шелухи. Тут он остановился и сдув шелуху, плавно соскользнувшую с ладони, проводил её взглядом определяя направление ветра. Затем с живым любопытством рассмотрел зёрна, забросил их в рот и принялся жевать. При этом он поднял голову подставляя лицо солнцу, и закрыл глаза. Сырая пшеница была жёсткой и безвкусной, но он, словно извиняясь перед пшеничным полем за непрошенное вторжение, добросовестно дожевывал её и проглотил. Отдав полю эту небольшую дань, он глубоко вздохнул, припоминая куда дул ветер слизнувший с ладони шелуху, подался вбок, расставил ноги пошире, растегнул пуговицу на разрезе брюк и сделав то неотложное дело, ради которого собственно и зашёл в поле, неспешно вернулся на дорогу.

Послышался шум мотора. Приближаясь он растерял равномерность и рассыпался на отдельные звуки. Прорезалось утробное урчание мотора, перестук металла, выстрелы карбюратора, скрип кузова на выбоинах, ворчание покрышек жалующихся на неважные дорожные условия.

Грузовик, натужно пытаясь выполз из низины и пополз навстречу пешеходу. Небольшой, забрызганный серой грязью, серебрянно поблескивая на солнце ветровым стеклом он походил на навозного жука, который покачивая из стороны в сторону блестящим хитиновым панцирем валко по носорожьей переваливается на бегу по неровной земле.

На густо заляпанных глиной подножках по обе стороны от кабины, крепко держась за длинные крепления круглых зеркал заднего вида, чтобы не сорваться на перекатах и ямах,

стояли мужчины с висящими за спиной двуствольными ружьями. В открытом кузове на досках установленных вдоль бортов сидели ещё несколько охотников.

Грузовик распугивая трясогузок, приблизился и с деревенской деликатностью остановился не доезжая до пешехода, чтобы не обдать его облаком густой пыли. Мотор облегчённо смолк и немедленно послышалось карканье пролетающих одна за другой пары ворон. Птичьи тени метнулись через дорогу и понеслись по кукурузе к лесу.

Водитель зевнул и внимательно посмотрел на пешехода определяя знакомы они или нет. Воспользовавшись остановкой, двое спрыгнули с подножек грузовика, чтобы размять ноги. Один из них, придерживая правой рукой двустволку, левой принялся хлопать себя по заправленным в солдатские кирзовые сапоги брюкам, сбивая с них серую пыль. Вторым кашлянул, отвернулся в сторону чтобы сплюнуть, и пошёл вперёд, зорко оглядывая того, что шёл навстречу. Одну руку он держал на подсумке неполного патронташа, который перетягивал пояс. Наконец он признал:

«Ого! Лаэрт, ты ли это? Давно, давно не приезжал в родные края!», – он оглянулся на грузовик и хрипло крикнул сквозь оседающую пыль: – «Да это же Лаэрт! Сын Аркисия! Что? Не признали? Я тоже не сразу узнал. Здравствуй, дорогой, как поживаешь?», – Они с пешеходом пожали руки и обнялись».

Охотники стараясь бережно не задевать ружейными прикладами расшатанные борта, посыпались из кузова на землю. Все обступили Лаэрта, здороваясь с ним по очереди. Церемониал приветствия был по сельски степенным, лишённым городской эмоциональности, показушности, всего лишнего как ядра очищенных от скорлупы орехов.

–Здрав будь!»

–И вам здоровья, дядя Нестор!

–Давно не виделись.

–Сколько лет...

–Здравствуй, Ясон!

–Как супруга?

–Спасибо, спасибо!

–Как там вообще в городе?

–В городе? В городе суматоха, шум, да вечная спешка. На то он и город. Короче говоря, городская жизнь течёт как горная речка с перекатами, валунами, водоворотами.

–Надолго к нам?

–Посмотрим как примите. Шучу, шучу! Не обижайтесь.

–Погостить или как?

–А вы серьёзно охотитесь как погляжу, – сказал Лаэрт, – Эти у тебя с карточью, кажется?

Ясон кивнул: – Так и есть. Картечь. Понимаешь кабаны развелись, просто донимают уже. Днём прячутся в кукурузных полях. Ночами безобразничают. Один повадился до рассвета на огороды приводить своё стадо. Такая свинья! Всё истоптали. – Ясон с негодованием плюнул в пыль. – Извини! Терпение кончилось. Ну, а уже по дороге сюда, мы не удержались и в пшенице перепёлок постреляли. Хорошо, что патронов с мелкой дробью тоже прихватили, – Он открыл сумку показывая добычу.

–Ого, – присвистнул Лаэрт, – Богато настрелял. Да и жирные какие!

–Так они отъелись за лето. Осень. Самый сезон их добывать. Диких уток тех без смысла бить. Всё равно есть их невозможно, тиной пахнут, водорослями. Простое убийство. Просто жалко. А перепёлки в самый раз.

–И у меня столько же.

–Гляди, я ещё больше... – все принялись показывать свои сумки, хвалясь добычей, стараясь произвести впечатление на давно подавшегося в большой город земляка.

Самый старший Нестор, маленький старик мучаемый одышкой вынуждавшей его разговаривать медленно и часто делать паузы, смущаясь похвальбой односельчан, словно оправдываясь за всех, объяснил: – «Послезавтра свадьба. Такое вот дело. У Ясона. Помнишь Марию? Дочку Эвагри и Нателлы. Должен помнить. Вот мы и поможем. Дичь на стол и пойдёт.

– Ты как раз вовремя приехал, – с энтузиазмом сказал Лаэрту Ясон, которому было радостно вспомнить о приближающейся свадьбе, – Окажи нашим родителям и лично нам с Марией уважение, будь дорогим гостем.

– Спасибо, спасибо! Непременно. С огромным удовольствием.

– А то айда с нами! Прямо сейчас стрелять кабанов. Какой свадебный стол без хорошего шашлыка?! Ты поди сколько лет не охотился... Стрелять из ружья в городе не разучился? – Ясон добродушно усмехнулся.

– Я бы с удовольствием... Да только вот обут неподходяще. – Лаэрт посмотрел на носки городских суконных штиблет, густо покрытых дорожной пылью, и для наглядности поставил правую ногу на каблук, демонстрируя тонкую подошву. – Не совсем полевая обувь. Верно?

– Погоди. Если только за этим дело стало, чего проще. Сапоги у меня должны быть лишние в кабине, – подумав, сказал шофёр Тесо.

– И ружьё подберём. Патронов отсыпем. – подхватил Ясон, – Поехали с нами! А потом прямо ко мне! По стакану-другому вина всех приглашаю выпить в честь приезда Лаэрта. Как раз свадебное вино проверим. Каково оно на вкус. – он с удовольствием облизнул пересохшие губы и провёл ладонью по усам.

– Как же отказаться? – развёл руками Лаэрт. – И повод имеется! У нас с Лией сын родился. Александром назвали. Дома Аликом зовём. По домашнему. Я за тем ведь приехал, чтобы родительский дом осмотреть. Если где чего надо подправить, перекрыть. Не протекает ли крыша. Не побило ли ветром шифер. Инструментом у вас одолжусь? Я думаю Лию с сыном привезти сюда на чистый воздух на всю осень.

«О-о-о!» – послышалось со всех сторон. «Доброе дело, доброе! Что ж молчал до сих пор? С такой славной вести и начать следовало! Поздравляем! Пусть здоровым да счастливым вырастет!».

– С домом мы тебе ясное дело поможем. Подремонтируем. Всё сработаем на совесть, не переживай, брат. Даже не парься, выбрось из головы, – сказал Ясон. – А теперь поехали. Гляди... Вон за той сопкой тропа в кукурузе начинается свиньями вытоптанная. Приметил? Она напрямки ведёт через поле к самому лесу. Там болотце грязи, ещё от апрельских дождей осталось. И в прохладе эти окаянные свиньи днём дрыхнут.

Лаэрт с удовольствием окинул взглядом поля и вдохнул полной грудью прохладный воздух. На душе стало легко и приятно.

«Какой день! Будем жить вечно!» – счастливо подумал он...

Среда 8 апреля 1981 года

Тбилиси, Грузия, Советский Союз

ГЛАВА 1

Ветер словно спохватившись, что упустил всю ночь, задул перед самым рассветом, когда в посветлевшем небе над садом померк и начал таять бивень растущей Луны. Яблоня с серебристым стволом проступила в быстро синеющей темноте и сонно потягиваясь зашелестела листьями. Под яблоней стояла шаткая алюминиевая раскладушка. Прохладный воздух заскользил по лицу, бесцеремонно проникая под старое одеяло из верблюжьей шерсти с красно-белыми узорами. Стало зябко и неудобно. Это скомкало сон на самом важном месте и Алик не узнал, чем там всё закончилось. Он беспокойно пошевелился на своём ложе, и пружинки

жины уже не так туго, как много лет назад растягивающие выцветшее за годы и местами прохудившееся брезентовое полотно, надсадно заскрипели.

Утренняя прохлада холодила щёки. Перед тем как проснуться Алик вдохнул полной грудью, осознал что спит на свежем воздухе и ещё в полусне широко этому улыбнулся. Последние секунды ночного забытия вдруг обильно заполнились щемящими душу образами.

Ему пригрезилось раннее детство. Он спит на балконе из резного дерева с которого ветры и дожди давно слизали потрескавшуюся скорлупу краски, открыв миру царапины оставленные сто лет назад рубанком неизвестного мастера. Кем был этот человек? Плотником? Столяром? Или просто работник на все руки, подрядившийся сработать балкон? Он давно прожил жизнь в которой грустил и прощал, праздновал и сомневался, радовался и уставал, выпивал и закусывал... И рубанок в его руках подчиняясь воле хозяина тоже жил своей жизнью. Когда с вечера нож рубанка был остро наточен, он снимал стружку ровно, повинаясь твёрдой руке мастера. А похмельным утром дрожал, оставлял царапины, срывался и скользил...

Душными июльскими ночами маленький Алик спал на раскладушке на длинном деревянном балконе. Общий балкон галереей протянулся над двором с неровным и разбитым асфальтом. После дождя асфальт тонул в глубоких лужах, в которых искажённо отражался весь дом со всеми его секретами.

Горбатый двор, склонные к необоснованному оптимизму взрослые, называли «итальянский дворик». Дом носил неровную бороду из виноградной лозы, и был опоясан длинным балконом куда вели деревянные лестничные пролёты. Ступени проседали под ногами и заходились в резавшим слух как бритва скрипучем кашле. От внешнего мира двор надёжно отделяла красная кирпичная стена с коваными узорчатыми воротами, напоминавшими Алику строй поставленных наконечниками кверху копий, следов стигнувшего на этом месте древнего войска.

Ветер всегда под утро прохладил щёки, обдувал лоб и виски, и проникал под такое в точности шерстяное одеяло. Приходилось сладко сжиматься в клубок и укутывать лицо, и от этого колючая шерсть даже сквозь хлопковый пододеяльник неприятно покалывала шею и щёки. Сейчас мама склонится над ним, шутливо произнесёт: – «Ну же, просыпайтесь, Александр Лаэртович», и открыв глаза он увидит её улыбку полную любви и заботы и на душе станет так сладко безмятежно, как бывает только в раннем детстве.

Всё ещё улыбаясь, Алик открыл глаза и шурясь разглядел над собой колеблющейся зелёный балдахин, который сначала расплывался в его сонном взгляде, но через мгновение обрёл резкость очертаний и превратился в молодые ещё не набравшие соков апрельские листья раскачиваемые ветром. Томящая ностальгическая нотка достигнув высшего предела резко оборвалась.

Прошлое и настоящее торопливо теснили друг друга и толкаясь локтями, занимали свои места, формируя: сегодня, вчера, позавчера, расставляя события как фигуры на шахматной доске, восстанавливая событийный ряд. Из ночного небытия вытекала река нового дня взрослой жизни, в которой не было ни детства, ни мамы, ни пододеяльника на верблюжьем одеяле, ни надежды на то, что всё это когда-нибудь повторится.

Сердце тоскливо сжалось. Алик чувствовал себя обманутым. Это наваждение заслонило всё остальное, и он не вспомнил, того, о чём должен был бы в это утро подумать прежде всего. Но уже через несколько секунд разочарование утратило остроту, притупилось как лезвие, по которому провели напильником, и сменилось по утреннему замедленным потоком сознания, словно новый день был прохладной речкой и требовалось тронуть её ногой перед тем как заставить себя окупаться.

«Ветер, листья, дерево... Голова ноет и в горле пересохло. И этот винный вкус застрявший так глубоко в глотке. Он же всё и объясняет. Пить хочется. Да где я вообще? Кажется сад Ашота. Ну да, вот же яблоня, вон стол. Ашотовский дом, крышу давно надо перекрыть. Уфф, прохладно. Хорошо что спал в носках. Кстати почему я спал в носках? И в брюках, ты смотри...

И в рубашке. Провёл ночь не дома, даже Ирме не позвонил. Ирма... Пустота в сердце. Нет, пониже в животе. Отчего тревога ощущается животом? Вон как оно всё обернулось. Щемит, ноет, зажимает, рвёт, режет, болит, свербит... Всё сразу, всё вместе. Не по себе...».

Вспомнив вечер и всё что ему предшествовало, Алик так резко отбросил одеяло которое скукожилось своими узорами в недовольную гримассу, словно верил, что вместе со старым одеялом отбросит от себя свои беды. Он сел и зашарил ногами в носках по сырой траве разыскивая туфли. Душила глухая тоска от неясных мыслей, от предчувствия чего-то уходящего, очень важного, без чего теперь ему непонятно как жить. Кроме того, он испытывал ощущение, что не помнит ещё чего то, пусть не такого важного, но долгожданного. Не хватало какой то забытой крупинки радости, чайной ложечки мёда, чтобы сдобрить это утро кисловатое как недопитое вино простоявшее всю ночь в стакане на столе.

Алик вяло копошился ногами под терявшей терпение ноющей раскладушкой. Сначала он нащупал один ботинок, затем другой. Потом долго изощрялся, терзая раскладушку, силился, вытягивал стопы и так, и эдак пытаясь подцепить свою обувь, но только затолкал её ещё глубже так, что всё равно пришлось опуститься на колени и запустить под раскладушку руку.

Наконец он обулся и посетил деревянный гостевой нужник. После этого, осторожно, чтобы не наступать на сладко спящие клубничные грядки окутанные едва заметным низким туманцем испарений от сырой земли, пересёк огород и направился к калитке. Навстречу ему от забора метнулась собака Ашота овчарка Марго. Алик был в этом доме своим человеком и она подскочила весело виляя хвостом. Наклонившись на ходу он быстро погладил её, почесал за ушами, и зашагал вдоль стены дома усеянной бесформенными пятнами свежей штукатурки.

«Не послушал меня Ашот! Надо было смоченной в воде жёсткой губкой растирать сразу как только штукатурка чуть подсохла. Тогда бы свежий цвет слился со старым и пятен не осталось», – машинально отметил Алик.

В открытом настежь окне первого этажа – окно находилось как раз на уровне головы взрослого человека, за дрожащей от лёгкого ветра прозрачной кружевной занавеской белел расчёсывающий длинные волосы женский силуэт.

«Лика, сестра Клары, – подумал Алик, – Она вчера гадала мне на кофейной гуще. Только вот не помню... Что нагадала?».

События вечера постепенно всплывали в памяти. Он отчётливо вспомнил, как выпив кофе, аккуратно перевернул маленькую чашечку. Кофейная гуща равномерно стекала по стенкам, оставляя на белом фарфоре узоры, в которых намётанный глаз уловит будущее. Алик поставил перевернутую чашку на блюдечко и передал Лике. – «Что же она нагадала? Не помню».

Обнажённая Лика стояла боком и не видела Алика. Её комбинация краснела на спинке кровати. Алик случайно увидел контур женской груди. Он смутился и почти сразу отвернулся, ускорил шаг, но миновав окно, лицом к лицу столкнулся с Кларой – женой Ашота. Сейчас эта встреча не сулила ничего хорошего.

Клара двумя руками несла окровавленный эмалированный тазик, в котором лежала только что зарезанная курица. Отделённая от туловища голова с полужакрытыми глазами ещё слабо шевелила клювом.

Почувяв запах крови Марго завертелась перед хозяйкой. Та прижав тазик к животу, двумя пальцами взяла куриную голову и бросила собаке. Марго поймала на лету, мотнула головой мгновенно с хрустом сглотив угощение, и облизываясь преданно посмотрела на хозяйку.

«Ты, что это в окна заглядываешь? – подозрительно спросила Клара, – Эх! Совсем вы с Ашотом от рук отбились. Но он то хоть у себя дома выпивал, а ты... Уй ме! Жену не предупредил, заснул в саду, как босяк. Вроде культурный человек, малопьющий. А вчера, будто с цепи сорвался. Эх! Не накрыли бы тебя одеялом, простыл ночью. Ирма вся извелась. Я то ей вчера позвонила. Сказала, что ты у нас остался (Алик облегчённо вздохнул). Иди домой поскорей.

Уж она тебе задаст! Ирма. И правильно сделает! Ашот проснётся и ему тоже мозги прочищу! И ему нагоняй будет! Среда сегодня, а не выходной. Была бы суббота, так сидите себе на здоровье! Отдыхайте. Мне разве чачи или угощения жалко! Если меру знать, как обычно, да пожалуйста. Кто хоть слово против скажет? А так что получается? Чистое безобразие. Середина недели, обоим на работу выходить. Ну как не стыдно?

Она обошла Алика, заглянула в окно, увидела Лику, которая слышав их разговор уже успела одеть трусики, лифчик и комбинацию которая на свету оказалась не красной, а розовой, и с чувством, но безлобно, сказала сестре: – «А ты занавеску задёргивай, когда полуголая прыгаешь! Первый этаж, люди по двору ходят, сама должна понимать, не девочка, двадцать лет тебе. Уй ме!».

Не глядя на Алика, чуть понизив голос, но с расчётом, чтобы и Лика услышала, пожаловалась на сына: – Тут ещё Лёвик повадился по утрам мимо её окна шастать. Парню тринадцать, у него всё горит, не понимает, что двоюродная сестра. Глаза скосит в комнату, и шасть под окном туда, обратно, шасть! Ашот узнает изобьёт его. Никогда руку не поднимал на сына, но тут точно набьёт. Придётся лучше мне мокрым полотенцем проучить, как застану при таком деле ещё раз.

Лика сконфуженно прыснула. Клара покачала головой и уже спокойно сказала: – «Там у тебя вода свежая в кувшине? Налей стакан, подай человеку. У него небось в горле засуха, а сказать стесняется. И правильно делает. Знает что сам виноват». Она посторонилась и Алик подошёл к окну.

«Спасибо», – выдохнул он и жадно осушил стакан. Налей ему ещё, – велела Клара.

– Не надо. Спасибо. Я домой поскорей, – Алик глянул на часы, – шесть пятнадцать уже, а мне к девяти надо на работе быть. Извини Клара, дорогая, больше не повторится мамой клянусь, – Сделав микропаузу он не удержался от вопроса: – А как там Ирма, сильно нервничает? – Рвёт и мечет, – отрезала Клара и, сопровождаемая по пятам Марго, понесла обезглавленную курицу на кухню.

Лика опять рассмеялась и захлопнула окно.

Алик толкнул тяжёлую дверь распашных ворот, украшенных с наружной стороны стальными ромбовидными пластинами и направился было вниз по разбитому асфальту круто спускающейся улочки ведущей к Советской улице.

Тут его настиг заспанный, по утреннему небритый хозяин. Он был одет в домашнее – майку-безрукавку, наспех натянутые синие спортивные рейтузы и тапки на босу ногу, такие разношенные, что непонятно было какой из них правый, а какой левый. С одинаковым успехом каждый можно было носить на любой ноге. Ашот держал в руках небольшую спортивную сумку, приготовленную для гостя, очевидно, с вечера.

– Услышал ваши с Кларой голоса, понял уходишь, – приветствовал Ашот друга хриплым прокуренным с вечера голосом, прищутив тёмные блестящие, в бледном рассветном воздухе, как маслины глаза, – На вот, держи... Тут домашняя водка в бутылки. Не виноградная чача, нет. Корольковая самогонка... ну та, что тебе вчера понравилась. Знаешь что она мне напоминает? Слиловицу. Я пробовал, когда в ЧССР служил. Такая же душистая да забористая. Только та была из слив а эта из королька. Королёк с моего дерева, сам его собирал! Бурю тебе даю, а не водку! Ураган. И впридачу две бутылки моего домашнего Ркацителю. Сумку потом вернёшь. Осторожно видишь одна ручка порвана. Погоди, дай ка я проверю, что хорошо закрыты, чтоб в пути не дай бог, не протекла выпивка. Ну-ка поддержи, – Ашот подал Алику сумку, расстегнул змейку, обнажив три лимонаднобутылочных горлышка зелёноцветного стекла от руки закупоренных винными пробками, и по очереди доставая крутобокие бутылки перевернул каждую, проверяя нет ли хоть малой течи. Успокоившись на этот счёт, он благосклонно оглядел друга и напутствовал его, – Порядок. Ветерок попутный тебе в спину дует, цаватанэм, настоящий зефир! Валяй прямо домой к супруге, никуда не сворачивай.

– Да не нужно, Ашот! К чему это? – чуть раздражённо сделал Алик попытку вернуть подарок, но Ашот уже успел переместиться к воротам. Он напоследок махнул рукой и скрылся. Гулко стукнула железная дверь.

Прижимая к груди неожиданный гостинец, Алик поплёлся по спуску к Советской, щедро орошая окрестности крепким винным духом, жизнерадостно струящимся из сумки. Мысли путались, сбивались, цеплялись друг о друга.

«Что здесь было раньше? – с напускным интересом, стараясь отвлечься от действительности думал Алик, глядя под ноги, силясь не споткнуться спросонья. – Лет триста назад или пятьсот? Интересно. Вот бы взглянуть! Хотя эти линейные восприятия истории неверны. Триста лет назад творилось одно, а пятьсот лет назад, скажем так: совсем другое. Ну, а, если ещё раньше... вот если взять скажем... лет семьсот назад, восемьсот или даже тысячу? Что происходило на этом месте ровно одну тысячу лет назад? Как выглядела местность? Хм, представим... Сейчас здесь асфальт, паршивый, но всё-таки... Частные дома стоят да машины с камнями подложенными под колёса, чтобы вниз с горки не скатились... А в древности представим-ка, хм... Поросший лесом холм вёл вниз. Выравнивался он там где сейчас проложена улица Советская.

Так, так. Причём, наверное, то место было покрыто особенно густыми зарослями. Ведь там скапливалась дождевая вода потоками стекавшая с косогора после обильных апрельских ливней, разрыхлявших «землю взрытую ростками», утоляя мартовскую жажду.¹

Затем опять начинался спуск. Он вёл уже до песчаного берега Куры, – продолжал размышлять Алик, испытывая облегчение от этих простых приятных мыслей, – Зверья наверное тут водилось немало. В утреннем тумане размыто скользили тёмные силуэты ланей. Дикие свиньи ступали осторожно, чтобы не поскользнуться на пробившейся из-под смытой дождём земли, скалистой породе. Камни чередовались с полосами вязкой глины. Кабаны с усилием вытягивали ноги из глинистой почвы, оставляя на ней отчётливые глубокие следы своих парных копыт, быстро заполнявшиеся водой. Торопливо поспешая на водопой, они опасливо втягивали ноздрями воздух принюхиваясь, чтобы заранее уловить запах волка или медведя. Где я читал что в древности здесь водились львы и гепарды, и даже горные леопарды забредали так далеко? Кажется у Константина Гамсахурдия в "Десница великого мастера"... Или нет? Интересно правда это или вымысел?

Над неосвещёнными солнцем ещё чёрными кустами, натужно хлопая крыльями взлетали длиннохвостые медно-красные с зелёным отливом сонные птицы. Как по-русски хохоби? Не фазан ли? Древние охотники били фазанов из луков, их жёны тужили мясо этих птиц с луком и травами, готовили из них чахохбили.²

Тут стройность мыслей Алика нарушилась, и они начали терять очертания. Так кучевые облака в ветренный день теряют чёткость контуров и становятся размытыми собираясь в слоистую бесформенную мглистую пелену. Поток сознания смешался с глубинными слоями информации неосознанно и произвольно накапливаемой мозгом...

«Голова гудит. Голова – поле ржи разрываемое железными комбайнами. Э-э-эх кто чай железом мучает?! Его бы собирать воздушно, руками как в Индии и на Цейлоне. Это должна быть ручная работа, а не механизированная. Бережно собирать сочные нагретые горячим солнцем самые верхние листики чая. Женские ручки сборщиц шаловливо дотрагиваются до кустов, скользят по стеблям снизу вверх, находят нужные листья, прикасаются к ним самыми кончиками пальцев, мягко захватывают невинными пальчиками. Бутоны бесстыдно розовые в соку, налитые соцветья манящие будоражащие кровь как хорошо. Но всё это иллюзия, фата моргана,

¹ Примечание – намёк на начало поэмы Джефри Чосера, Кентерберийские рассказы – «Когда Апрель обильными дождями разрыхлил землю взрытую ростками, И, мартовскую жажду утоля, От корня до зелёного стебля...».

² Примечание – чахохбили – курица тушёная с луком и зеленью, блюдо грузинской кухни. Считается, что в древности готовилось из фазанов на что указывает корень слова.

озеро на асфальте, озеро которого на самом деле нет. Под колёсами один сухой асфальт, нефтяной ублюдок. И дорожная пыль. Всё пыль. И чай пыль, и голод пыль, и горе пыль, и счастье пыль, и мораль пыль. Мораль на глазах становится пылью. Несъедобное становится пищей. Махабхарата...».

Алик спохватился, взял мысли под контроль, придал неорганизованному потоку сознания стройную форму, словно мысленно расставил в нём знаки препинания.

«Вот я и до Советской улицы добрался. Как же есть хочется. Сейчас бы яичницу с – по деревенски крупно наструганным луком да жареными помидорами... И хорошо бы к этому добавить кусок сочащегося молоком сулугуни! Да-а-а. Или с гудинским сыром из овечьего молока, тоже очень неплохо. Ах что это за сыр гуда! Жирный со слезой, с желтоватым оттенком будто позолотой покрыт, такой пахучий что спящего за стенкой соседа разбудит. Его бы сейчас на горячем ломте шотис пури, да стаканом крепкого сладкого чая. Сразу бы всё представилось по другому. Вроде что-то сегодня хорошее намечалось, а что именно не помню... Ладно, вспомню ещё. А пока закурить разве? За неимением лучшего завтрака...».

В поисках курева Алик пошарил по карманам, обнаружил ключ и нескольких сложенных вчетверо купюр – десятирублёвку, две достоинством в пять рублей, несколько трёхрублёвок, затёртый рубль да ещё на рубль мелочи. Машинально пересчитав деньги, он вернул их на место, и скосил глаза на нагрудный карман ставший пристанищем изрядно помятой, но не побеждённой пачки сорокопеечных сигарет «Мтквари». На пачке был изображён одинокий всадник у крепости. Его конь вздыбился над крутым обрывом. Сцена разворачивалась на фоне огромного бронзового солнца придававшего тревоги и драматизма.

Миновав несколько переулков Алик вышел на Советскую улицу, вопреки своему названию застроенную сплошь дореволюционными зданиями. Дома словно приветствуя его, благосклонно блеснули металлическими кровлями. Это первые солнечные лучи осторожно коснулись крыш противоположной от Алика стороны улицы, аккуратно разделив её вдоль, на освещённую и тeneвую половины.

Свет плавно полз вниз по стенам заполняя собой всё больше и больше пространства, вытесняя тень, фотографически проявляя за собой на хмуро выглядывающих из под оскудевшей штукатурки рядах дореволюционного кирпича, сухие узоры платановых веток колеблющихся от ветра. На покрытом арабесками трещин старом асфальте замерцали золотые квадраты и треугольники, словно улицу украсили чистыми половичками, и сумрак рассвета пополз прочь, волочась вслед за ночным мраком вытесняемым светом пришедшим с востока.

Впрочем, в этот ранний час дела обстояли по утреннему нестабильно. Солнце то скрывалось за облаками, и тогда на город набегала тень, то выглядывало и тени разом сжимались. Они прятались от света в укромных местах за домами, деревьями, под автомобилями. Тени использовали любые мимолётные укрытия. Скрываясь от света они скользили, и превращались в меняющие очертания безвольные, подчинённые чужой воле, марионеточные контуры. В следующее мгновение солнце опять жмурилось и кудрявые обрывки теней торжествуя мгновенно сливались в одно сумеречное море, в котором разом тонул город.

Проходя мимо хлебного магазина, где кроме «буханок» и «караваев» также продавали с пылу с жару выпеченный шотис пури – традиционный грузинский хлеб, Алик свернул за угол и оказался у пекарни. – «Амиран, конечно, уже явился на работу» – подумал он и гулко стукнул костяшками указательного и среднего пальцев по закрытому окошку. Оно немедленно приоткрылось, словно там внутри спозаранку ожидали именно этот стук, и в проёме показалось красное лицо – их с Ашотом друга – пекаря Амирана. Алик и Амиран с детства жили в одном «итальянском дворике».

Амиран слыл в районе оригиналом, знатоком Шекспира, которого он почитывал в свободное время и очень любил «близко к тексту», не всегда понимая точный смысл русских слов, цитировать. За это его уважительно называли Шекспировед, пока какой-то злой язык

не заявил, что цитаты Амирана покрыты густым налётом муки. После этого быстро разошедшегося по району уточнения, Амирана за глаза стали именовать «Пхвилис шекспироведи» – Мучной шекспировед, что звучало менее уважительно и даже насмешливо, поэтому так его называли исключительно за глаза, что принимая во внимание его рост и вес, было вполне оправданно.

–Ва-а-а! Доброе утро! Какие люди! – дружелюбно провозгласил Амиран, и проявил ошеломившее Алика понимание оперативной обстановки, – От Ашота возвращаешься? – Тут он вспомнил подходящие к случаю слова и, по своему обыкновению, как любил, сдобрил прозу поэзией: – "Как утро в красном халате по мокрым горам слезает!"³

–Вот те на! Откуда ты знаешь, что я от Ашота иду?

–Так вчера вечером за мной его сын Лёвик прибежал. Отец дескать с дядей Аликом, закусывают, лёгкий ужин... туда сюда. Хорошо сидят, даже можно сказать отлично и вас поджидают.

–Так ты же не пришёл.

–Не пришёл, – подтвердил Амиран, – Ясное дело что не пришёл. Устал вчера очень. Можно сказать выбился из сил. Работы привалило невпроворот. Два лишних замеса делать пришлось после обеда, а Таризэл на больничном. Второй день не выходит подлец. У него зуб болит. Беда! Вопалился и бедняга на стену от боли чуть не лез всю ночь. Вот. А вчера взял отгул и поутру побежал в стоматологию на Плеханова. Ну вот. А там студенты практиканты, понимаешь? Ничего пока не умеют, ни бормашину водить, ни укол поставить. Но все в бой рвутся, хотят лечить людей, создают движение. Как пираньи на пациентов кидаются со своими плоскогубцами.

–Ну и что?

–Ну и то! Стоматолог его спрашивает: – «Не возражаете, батона, если ваш уважаемый зуб студент осмотрит? Они у меня на практике от института, все как на подбор, ласковые и обходительные, как корова моей бабушки Цицино.

Таризэл на всё согласен, он от боли ошалел. Ничего не понимает, но что твой цирковой конь за кусок рафинада, головой кивает. Делайте мол, что хотите, только боль снимите! Ну студент подходит, заглядывает ему в пасть, велит разинуть её ещё шире, одной рукой шарит в железной мисочке с их орудиями пыток, достаёт оттуда какую-то длинную как кинжал Гамлета железяку с загнутым острым концом, и недолго думая вонзает прямо в больной зуб. (Амиран сделал фехтовальный выпад). В самое осиное гнездо! Первым же выстрелом негодяй в десятку попал. Таризэл чуть сознание не потерял. Короче говоря, зуб ему удалили по частям. Целая операция. Десну резать пришлось. Теперь там флюс. Весь сипат раздуло. Вот он несчастный дома сидит, как хомяк набивший защёчные мешки семечками. И я пострадал! Второй день отдуваюсь за себя и за него, как будто я не один человек, а сразу и Ромео и Джульета в одних брюках. За двоих тружусь, – Амиран утомлённо вздохнул и спросил: – А вы с Ашотом как провели вечер? Славно посидели? И что у тебя в сумке?

–Ашотовская чача да его же домашнее вино.

–Вах! – заинтересованно удивился Амиран.

Повисла короткая, но очень многозначительная пауза.

–Ирму хоть предупредил, что заночуешь не дома? – аккуратно, чтобы не испортить дело, прошупал Амиран почву.

Алик неопределённо покачал головой и вздохнул.

³ Примечание – имеется в виду выражение: «Но вот и утро, рыжий плащ накинув, ступает по росе восточных гор», – В. Шекспир, Гамлет, принц Датский

Амиран озабоченно поцокал языком и неодобрительно покачал головой: – Она же тебе башку отвернёт! О бедный Юрик!⁴

Заходи на пару минут. Поболтаем пока ещё твоя башка на плечах и у в ней шевелится язык, и есть губы, которыми можно пить и вкусовые окончания, чтобы смаковать выпивку все на месте.

–Я спешу, мне к девяти на работу...

–Уфф, – пренебрежительно махнул рукой Амиран, – Всем на работу. Успеешь. Заходи!

–Нет, Амиран, не обижайся. Клянусь не могу!

–Что ты за человек! Сам посуди. Ирма всё равно тебе плешь проест. Скажешь нет? Прост! Ещё как. Перед тем, как погибнуть, ты хоть опохмелись! Терять уже нечего.

–С ума сошёл? С раннего утра пить чачу? Мне перед работой только утренней выпивки не хватает!

–Какая чача? Даже не понимаю о чём ты толкуешь, – искренне возмутился Амиран. – Ты что?! Разве я выпивку тебе предлагаю? Пиво! Пиво имею в виду. Э-э-э! Заметь не водку, не вино, а пиво. Свежее жигулёвское. Между прочим, очень культурный напиток. И полезный кстати, питательный. Жидкий хлеб. Считай позавтракаешь заодно. Пиво как можно не выпить? Само просится в рот. Пиво мир спасло. Не знал? Что ты смеёшься?! Если хочешь знать, не придумай англичане пиво, Европа слегла бы от тухлой воды, всех бы выкосили бактерии!

От холодного пива, одолеваемому непривычной для него похмельной жадой Алику, действительно, было трудно отказаться.

–А ну как начальство нагрянет? – сдался он, понимая, что Амиран всё равно не отстанет.

–Никого нет ещё. Совершенно раннее утро на дворе. Считай ночь ещё. А заведующий прибудет к восьми часам не раньше. Ну что ты за человек! Заходи уже! Стоишь тут недовольный как этот... как его... Генрих король!

В пекарне пахло кислым дрожжевым тестом. Вдоль стены тянулись незаполненные в этот ранний час свежесвепеченным продуктом, деревянные стеллажи. Предвестником хлеба являлся огромный металлический таз, где вызревало замешанное Амираном тесто для утренней партии. В тёмной нише тонул холодильник ЗИЛ, напротив которого угрюмо стоял стол с двумя старыми венскими стульями, безжалостно исцарапанной ножами столешницей и с подложенным под одну ножку туго сложенным номером «Советского спорта» – чтобы не шатался. Белокафельную стену слегка освежали плакаты с призывами беречь хлеб и хранить чистоту на рабочем месте. Плакаты были выполнены без огонька, но на первосортной глянцевой бумаге. В центре помещения возвышался каменный колодец печи с круглым, как кратер вулкана отверстием. На полу стояла стеклянная баночка из под сметаны на треть наполненная водой.

Амиран с радостным энтузиазмом занялся делами. Он повернул на стене газовый вентиль, включив расположенную на самом дне печи-колодца комфорку. Сразу же, не теряя времени, взял длинный тонкий шест с приязанной к концу газеткой, чиркнул спичкой о коробок, поджёт газету, от чего по помещению мгновенно разнёсся запах горелой бумаги, затем нагнулся над печью, сложился пополам и опираясь левой рукой о край, гимнастически распределив вес тела, почти нырнул внутрь кратера так, что снаружи остались только ноги да опорная рука. Зависнув вниз головой, он поднёс горящий конец шеста к комфорке. Дно печи таинственно озарилось синим газовым пламенем. Амиран привычно легко вытянул торс из колодца, и окунул догорающий факел в банку с водой. Огонь зашипел, но тут же осёкся, погас и капитулировал полоской белого дымка. В банке остались лишь кусочки газетного пепла.

Чувствуя себя властелином этого маленького мирка, Амиран величаво демонстрировал свой монетный профиль освещённый красновато-золотым утренним светом из окна ровно

⁴ Примечание – «О, бедный Йорик!» – В. Шекспир, Гамлет, Принц Датский

столько времени сколько требовалось чтобы сбить о край стола жестяную крышечку с бутылки «Жигулёвского».

Обезглавив сосуд он вручил его Алику и завёл разговор: – «Интересно выходит. Сам посуды, из всего нашего двора только ты институт окончил. Причём не какой то маленький задрипанный институтишко. Нет! Целый ГПИ!»⁵

Выучился на инженера. Образованный человек. А в брачном вопросе ты смыслишь не больше Палстапа.⁶ Вот я тебе сказал, что не пришёл вчера с вами похлебосолить оттого, что устал. Это правда положим. Но если с другой взять стороны – звали то меня не мешки таскать! А приятно выпить да вкусно закусить с друзьями. Так, что я вполне мог принять приглашение и достойно присоединиться к вам с Ашотом».

Алик утомлённый этой болтовнёй обречённо вздохнул, сдул с горлышка белую шапочку пены и сделал несколько глотков. Пиво оказалось не таким холодным, как он себе представлял, но всё-таки лёгкий хмельной напиток приятно освежал и хорошо утолял жажду. Отхлебнув из бутылки, Алик поставил её на стол, и она возмущённо заполнилась паутиной крупных радужных пузырей, потянувшихся от колышащейся пивной поверхности к горлышку, в каждом из которых, если присмотреться, искажённо как в кривых зеркалах, отражались они с Амираном.

–Что же не пришёл? – принуждённо спросил он, понимая к чему клонится разговор.

–А потому что смекнул. – ухмыльнулся Амиран, – Уже в самом прологе мы непременно выпьем пару лишних стаканов.

–Ну не факт, – спокойно сказал Алик, – Когда это мы...

–Выпьем. Выпьем. Уж можешь не сомневаться. Пролог важная штука. В первом акте ещё немного переборщим. Во втором никак не исправим положения. В третьем ещё газанём и вконец потеряем разум. В финале я заявлюсь домой не раньше полуночи и вместо аплодисментов жена устроит мне головомойку. А оно мне надо?

Амиран укоризненно посмотрел на Алика, словно намекая, что тот совсем не явился домой и продолжил, – Ну вот. Припрусь с песнями. Может даже слегка пританцовывая и сильно огорчу этим жену. Она обязательно начнёт страковать и сильно испортит мне настроение, как Дездемона испортила настроение своему... этому, как его... всегда забываю э-э-э... Ну на гостиницу имя похоже...

–Отелло? – подсказал Алик.

–Вот, вот. Отелу. От этого уже огорчусь я, и испорчу настроение ей. Конечно, не так сильно, как Отел Дездемоне, но можешь мне поверить, тоже выйдет изрядный скандал. И вечер испоганим, и ночь испортим, и весь следующий день пустим под откос. И вот тогда расстроившись от этих беспокойных мыслей, я сказал Лёвику, чтобы он передал вам, что я смертельно устал и придти не смогу. Теперь смотри, вот... Амиран подмигнул и важно поднял указательный палец подчёркивая тем самым суть сказанного. – Вместо всех этих беспорядков я пошёл домой. Там я аппетитно поел горячего супу из тарелки, заметь из той самой тарелки, которую мы поскандалив непременно драматически расколотили бы о стенку. Поболтал с Анжелой о том и о сём. Потом ещё немного полистал Шекспира. Эти иллюстрации меня сильно успокаивают (слово «иллюстрации» Амиран питавший слабость к «учёным» словам, произнёс с особым удовольствием). Потом рано лёг и отлично выспался. И теперь у нас на одну тарелку больше, я бодрый, у меня хорошее настроение и приятные воспоминания о вечере. И похмелье не держит за глотку. А вот тебя, – неутомимый Амиран опять принялся загибать толстые пальцы, – Давай подсчитаем. Итак, тебя одолевает сушняк. Кроме того, ты не выспался. А как заявишься домой Ирма не теряя времени, нахлобучит тебе на голову кастрюлю с гуляшем,

⁵ Примечание – Грузинский политехнический институт

⁶ Примечание – Фальстаф, чьё имя Амиран произносит на грузинский манер, персонаж В.Шекспира «Виндзорские насмешницы», ухаживавший за двумя замужними дамами.

приготовленным вчера от всей души на ужин, который ты разменял на легкомысленные посиделки с Ашотом.

Алик недовольно пожал плечами, и Амиран зашёл с другой стороны: – Какой день сегодня, а? Небось позабыл?

–Ты мой день уже обрисовал.

–Сейчас речь не о том, – терпеливо сказал грузный Амиран и протёр чистой полотняной тряпкой, висевшей у него за поясом, вспотевший лоб. Он часто протирал лицо, когда замешивал тесто, чтобы туда не капал пот и это вошло у него в привычку. – Сегодня у нас среда.

–И у нас, и у вас, – согласился Алик и допив пиво, поставил бутылку на стол.

–И о чём это говорит?

–О том, что вчера был вторник, – тут Алик вспомнил ту самую забытую крупицу радости, и разом осёкся.

–Вот-вот, – образовался Амиран, – Вот! Дошло наконец. Сегодня среда, брат. В этом то всё дело. Большой футбольный день Европы! Э-э-э... Знатно же вы с Ашотом посидели, если ты забыл о таком матче! Полуфинал Кубка кубков! Наше Динамо играет с Фейенордом! С Фейенордом! Весь город варится в этом соке.

–Погоди, – медленно сказал Алик смакуя тему, – Так мы с Ашотом именно за это и пили вчера. За футбол, За Динамо, за каждого из игроков в отдельности, никого не пропустили от Габелия до Шенгелия. За тренеров, за начальника команды Каху Асатиани, за доктора Телия. Даже за запасных выпили. А вот за дублёров выпили одним тостом, мы их фамилии не знаем.

–Обыграем голландцев?

–Должны обыграть, – сказал Алик приходя в хорошее настроение, – Вест-Хем в четверть финале играючи победили. Обладателя кубка Англии разделили под орех. Четыре – один. На его же собственном поле. Прочувствуй! Нет каково, а? Англичан раскатали на их стадионе с крупным счётом. Как звучит! Одолеем и Фейенорд. Куда он от нас денется?!

–Одолеем, – с удовольствием повторил понравившееся слово Амиран, и с готовностью подхватил эстафетную палочку, – Ты вспомни «Ливерпуль». Два года назад. Ведь даже проливной дождь, превративший поле во вчерашний суп харчо, не верил в нашу победу. А мы их обыгра... одолели с сухим счётом! Три – ноль! И сегодня победим... вернее одолеем, а! Дойти до полуфинала и вылететь будет слишком обидно. Что? Не так? Как считаешь? Ты только посмотри на наш состав! А ну давай заверни как тогда когда победу над Вест Хемом отмечали. У меня до сих пор музыкой в ушах звучит...

Алик кивнул, но возбуждённому Амирану этого было мало.

–Нет, ты выскажись! – настаивал он.

–Отстань, Амиран...

–Скажи как умеешь ну! Как образованный человек. Заверни литературно, по газетному! По братски прошу, можно сказать умоляю...

–Хорош, Амиран! Сколько можно?!

–На колени встать? Давай! Удовольствие каждый раз получаю клянусь то-о!

Алик поморщился, на мгновение творчески задумался поджав губы и монотонно забубнил:

«В команде нет слабых мест. В обороне столпы – Чивадзе, Костава, Хинчагашвили, Тавадзе. Дальше полузащита – Дараселия, Сулаквелидзе, Сванадзе. Не полузащита, а... – Алик на мгновение задумался подбирая нужное слово и продолжил, – А македонская фаланга! (Амиран прищурился от удовольствия) Нападение вообще заглядение! Гуцаев – фланговая конница, единственный блуждающий форвард в СССР, последний из могикан, Кипиани – стратегия, Шенгелия – острие копьё. Габелия страж ворот, добрый пастырь, воин ягуар, пернатый змей, китоглав, факир, короче говоря, но нашему по тбилиски: вратарь – кошка, хотя равильнее конечно будет: вратарь – кот».

Алик перевёл дух, – Доволен?

Амиран был в восторге. От избытка чувств он чуть присел, хлопнул себя ладонями по плотным бокам и хохотнул.

– Китоглав! Ха-ха-ха! Сам Котэ Махарадзе лучше не скажет! Китоглав! Я же говорю – образованный человек! Вот Ашот или Гигла сказали бы так: «Фейенорда маму огорчим». И всё. На большее им фантазии бы не хватило. А ты как завернул! О-о-о! «Кончик копья», «пастух ягуаров», «голова от кита!». Полузащиту как назвал, Алик? Карапет?

– Фаланга. Построение войска для битвы в древней Греции.

– Фа-лан-га, – с наслаждением повторил Амиран, – Фаланга. Вот это да! Видишь какое слово знаешь. Фаланга. Недаром ты инженер! Были бы у меня твои мозги, давно директором гастронома стал бы. Не маленького, затёртого где-то меж дворами гастрономишки. Не-е! Как большой гастроном... тот что на Вокзальной площади! Клянусь! – Амиран протёр лоб и поинтересовался, – Матч дома будешь смотреть? С нами?

Алик, увлечённый разговором, сделал эффектную паузу перед тем, как потрясти воображение приятеля, достал известную нам пачку сигарет с всадником на обрыве, угостил Амирана, закурил сам и покачал головой: – Нет, Амиран, брат. На стадион иду. Представляешь на весь наш штат по профсоюзной линии выделили три билета. Это на четыре отдела, аж на двадцать пять человек.

Амиран завороченно слушал не отрывая взгляда от рассказчика словно на месте Алика возник Вильям Шекспир, доверительно читающий Амирану отрывки своей новой комедии.

– Ну как водится в таких случаях, разыграли эту сказочную мечту в лотерею.

– Как в лотерею? Билеты на футбол разыграли в Спортлото? – изумлённо спросил Амиран.

– При чём здесь Спортлото? Неформальная лотерея, делёж. Просто нарезали двадцать пять бумажных квадратиков. Понимаешь? По числу сотрудников. Двадцать пять сотрудников – двадцать пять квадратиков. Улавливаешь? Мы и на матч с Ливерпулем точно так делали. Тогда тоже три билета на всех отпустили. Заметь всё честно, и на отпускников, и на командировочных, и на тех кто болезни не вышел в тот день. Никого не забыли. Подготовили ровно двадцать пять единиц. За отсутствующих тоже тянули. А на трёх квадратиках, намалевали по футбольному мячу. Это выигрышные. Кто такой вытянет – тому билет на полуфинал.

– А на женщин тоже? – простодушно спросил Амиран.

– А то как же. У кого муж, у кого брат, сын, дед. Всё честно. В общем засыпали все бумажки в картонную коробку, перемешали хорошенько и давай по очереди вытягивать наудачу. Я захожу в отдел в самый разгар веселья. Серёга Бережной – ты его знаешь – весь красный от счастья светится, кричит мне: – «Алик, брат! Я только что первый билет вытянул! Ещё два в деле! Тяни поскорей!».

А народ не на шутку волнуется, горячится. Кто-то подойдёт, руку запустит, пошарит наугад, вытащит, развернёт. И только лицо как баклажан, вытягивается от огорчения! А остальные рады! От счастья что этот не вытянул, чуть горячим не писают! Теперь у них больше шансов. Страсти кипят! На кону полуфинал кубка кубков, сам понимаешь, – Алик увлечённо махнул рукой, затянулся сигаретой, вытянув губы трубочкой выдохнул дымок и продолжил: – «Я даже не верю, что достану билет! О своём думаю, клянусь! И не предполагаю даже ничего такого. Запускаю руку, вытягиваю бумажку и отхожу не глядя. Мне кричат – «Посмотри, парень э! Время не тяни!».

Разворачиваю свой листок а там мяч.

Амиран восхищённо свистнул: – «Вот это повезло. Вот так история!».

Он покачал головой словно представляя себе эту картину в мельчайших деталях. Встал, решительно открыл холодильник и достал оттуда завернутый в спортивную газету «Лело» кусок грузинской брынзы, которую в Тбилиси называют – кархнис квели, что означает – заводской сыр, подчёркивая тем, что он не домашний, тарелку с квашеным зелёным помидором с

надрезом посередине, из которого торчал пучок зелени и маринованная чесночная долька, а также несколько мелких, пузатых и аппетитных на вид солёных огурчиков. Всю эту снедь он поставил на стол, достал из кармана складной нож и принялся нарезать сыр.

– Ну спасибо тебе за пиво, будь здоров! – заторопился Алик.

– Как это «будь здоров»? – удивился Амиран, – Когда чихну вот тогда мне скажешь «Будь здоров». Нет, так дело не пойдёт, нет. Надо позавтракать. К тому же... Разве не обязаны мы поднять стаканчик чачи за успех «Динамо»?! Это несправедливо не только по отношению к «Динамо» Тбилиси, но и ко всему мировому футболу! Вот ты, как я знаю, сильно уважаешь Пеле. Будь сейчас с нами Пеле, он бы за тебя покраснел. Сам Пеле! Король футбола! Такого человека краснеть заставляешь! Что ты опять смеёшься? И ко мне несправедливо, Алик брат, и ко мне... Я то вчера не побаловался чачей, хоть сейчас попробую какова! А ты не стой на пути, не стой!

Прежде, чем Алик успел возразить, Амиран молниеносным движением руки потянул к себе змейку на сумке с выпивкой, которая всё это время стояла на столе между ними, выудил бутылку с чачей и одновременно с этим достал откуда то свободной рукой два стакана.

– Вот зачем ты это делаешь?! Выпускаешь на свободу ураган. Он раскидает корабли, собьёт их с верного пути! Хоть понимаешь это?

– Не хочешь не пей! Насильно не заставляю. Я один. – Амиран поднял стакан, игриво блеснувший в солнечном свете своими гранями, понюхал чачу, одобрительно кивнул, и торжественно провозгласил, – Дай бог нашей паланге сегодня вечером навалить «Фейенорду» по полной программе! У нас есть эти... Пастух Ягуаров, Голова кита и Длинное Копьё. И ещё... Учёный и Наездник. Видишь, я почти как ты заговорил. Недаром же говорят – с кем поведёшься от того и наберёшься.

Он выпил чачу, похвалил: – «Хороша-а-а! Душистая, крепкая, с норовом... Ашот мастер по этой части, он человек бывалый человек, всё умеет. Ой-ой-ой какая! И освежает, и аппетит раскрывает, – он отправив в рот ломтик зелёного помидора, с аппетитом заел его сыром.

Алик махнул рукой и тоже взялся за стакан. Выпил. С удовольствием закусил солёным огурчиком. Тот оказался мягким, полным пряного соку.

– Какой сочный! От молокан огурчики? – спросил он.

– От них, – ответил Амиран, – мы у других и не покупаем. Никто лучше молокан, дай им Бог здоровья, огурцы не солит. Это не солёные огурцы, а счастье на тарелке. Бери его сколько хочешь, кусай, жуй, глотай сок, ешь вволю!

Они выпили ещё по одной, закусили счастьем.

– Вот видишь, – изрёк Амиран, – Жизнь сразу наладилась. Но меру нужно знать. На этом мы остановимся, ведь нас нетерпеливо ожидает рабочий день. Он как лошадь копытом бьёт, исподлобья глядит. Где мол эти лодыри шляются. Короче говоря... Мы с Ашотом – они с Лёвиком к нам придут футбол смотреть – перед матчем вытащим телевизор дяди Коли на балкон, и всем домом, дружно а не как Монтекки и Кобулетти,⁷ будем смотреть матч. Вернёшься со стадиона, успеешь с нами второй тайм ещё раз по Москве посмотреть.

Когда Алик вышел из пекарни, солнце освещало всю улицу нежным утренним светом, и с деревьев доносились птичьи трели. Город понемногу заполнялся автомобилями. Для пешеходов ещё было рановато. Алик ни о чём не думая пошёл по тротуару.

ГЛАВА 2

Проводив Алика и махнув ему на прощание, Ашот запер ворота и направился к дому. Окно Лики было плотно закрыто, а дверь на кухню, откуда доносились женские голоса, обсу-

⁷ Примечание – Амиран путает слова Капулетти и Кобулетти (город на черноморском побережье Грузии, неподалёку от Батуми)

давшие, как приготовить курицу на обед, напротив распахнута. Ашот подошёл к двери и крикнул: – «Дверь закрывайте э-э-э! Сколько раз говорить можно?! Крыса со двора заскочет, что потом делать станете?!».

Он направился в ванную. Задумчиво оглядел себя в зеркале над умывальником, соображая бриться сегодня или не тратить на это время и оставить как есть до завтра. Гражданская жизнь расслабляла отставного прапорщика. В зеркале отражалась стеклянная полочка с растрёпанными зубными щётками, болгарской пастой «Поморин» и круглой коробочкой зубного порошка, который никто в доме не использовал, но и выбрасывать было как-то не по хозяйски.

Всё ещё сомневаясь Ашот провёл ладонью по щеке и подбородку, повернул голову в одну сторону, в другую, внимательно осматривая щетину на шее и под носом. Приняв решение, он повернул кран и с удовольствием умылся. Затем обильно натёр лицо мылом и принялся взбивать пену помазком прямо на лице вскоре превратившемся в пушистую белую маску, на которой выделялись горящие отражаемыми лампочками глаза, кончик угреватого носа похожий на клубничину торчащую из взбитых сливок и плотно поджатые губы.

Ашот протёр двумя мокрыми пальцами кончик носа, расширяя ненамышленный участок, чтобы пена не попадала в ноздри, взял бритвенный станок, и очень медленно провёл бритвой сверху вниз, оценивая остроту лезвия «Нева», которое считалось гораздо хуже марки «Восход», обычно такого хватало на один – максимум два раза. На пенной маске появилась чистая дорожка, словно колея на глубоком снегу. Ашот потрогал её подушечкой указательного пальца, убедился, что бритва относительно остра и приступил к делу.

Минут через сорок, глава семьи готовый достойно встретить рабочий день, прибыл на кухню. Он более не казался заспанным. На гладковыбритых щеках лихо играл румянец, глаза уже не похожие на влажные чёрные маслины, горели излучая молодецкую удаль, рубашка выглядела чистой и выглаженной. Стол у окна был накрыт к завтраку, а на плите стояла не плотно прикрытая крышкой кастрюля, где тушилась курица с помидорами и луком. Ашот втянул носом воздух и спросил: – «Чахохбили?».

Вопрос повис в воздухе. Никто не собирался отвечать. И без того по запаху было понятно, что стряпается именно чахохбили, а не что-нибудь другое.

–Чеснока и зелени побольше положи, – распорядился Ашот скорее для порядка, чем по делу и уселся на своё место.

Вошёл Лёвик: – «Привет па, привет, ма!», – и сел напротив отца. Лика поставила тарелку с нарезанным серым хлебом и мужчины принялись за бутерброды с чаем. Клара с Ликой продолжили заниматься своими делами, они обычно ели позже, отправив Ашота на работу, а Лёвика в школу. После их ухода сёстры могли за неторопливой беседой, никуда не спеша пить кофе и поэтому они предпочитали завтракать отдельно.

–Голова не болит? – спросила Клара мужа. Тот отрицательно покачал головой.

–Интересно как там Алик? – продолжила разговор Клара, которой хотелось обсудить вчерашнее. – Он, наверное, уже давно дома. После его ухода, я позвонила Ирме, сказала, что уже ушёл. Она такая спокойная. Вежливо благодарит за звонок, всё с достоинством, как всегда. Что за женщина! Княжна!

Ашот допил чай и недовольно сказал, – «Ну позвонила и позвонила. Правильно сделала. Что об этом говорить сейчас! Сама знаешь мы с Аликом выпивкой не злоупотребляем. Так посидим иногда за столом... Всё больше за разговором, да он больше двух – трёх стопок никогда и не берёт на грудь».

–Так в этом то и дело, – словоохотливо ответила Клара, разговарившая мужа, – Я и сама удивилась.

Ашот помолчал и нехотя сказал, – «Кажется у него на работе неприятности. Он сам толком не рассказал и я не наседаю, но так понял – на службе не клеится что-то».

– Вот оно что, – покачала головой Клара, вооружившись шумовкой, чтобы помешать обед. Она подняла крышку кастрюли, открыв багряно-золотистую, густо насыщенную томатами поверхность соуса и по кухне разлился благовонный дух зелени и пряностей. Шумовка бесстрашно погрузилась в слабо булькающее на медленном огне кушанье и ведомая опытной рукой сделала три оборота, перемешивая ингредиенты и слои, от чего аромат только усилился.

– Ты когда придёшь?

– К шести. Чтобы пообедать успеть. В семь футбол начинается, мы с Лёвиком пойдём к ребятам смотреть.

– Так Алик вроде говорил что на стадион идёт...

– Там ещё Амиран, Гигла... Да и Алик вернётся к девяти, мы успеем с ним второй тайм по Москве посмотреть ещё раз.

– Не выпивайте смотри.

– Не-е, Гигле нельзя. И мы при нём никогда. Ну, ты сама знаешь.

Клара кивнула головой и спросила у сестры: – «Кино, что вчера смотрели... В котором часу вторая серия?»

– Без пяти минут десять, – ответила Лика, – я с утра в программе посмотрела.

– Гляди, чтобы не пропустили.

– Что за фильм? – поинтересовался Ашот.

– Как называется? – посмотрела Клара на сестру, но за Лику ответил Лёвик:

– «Города и годы», очень хороший фильм! Только начинается и сразу драка в баре, всё ломают, я вчера с ними смотрел. Там эта играет, как её... красивая такая, которая в «Иронии судьбы», ну тот что на Новый год всегда идёт...

– Барбара Брыльска, – подсказала Лика

– Да точно она, – Лёвик он умоляюще посмотрел на мать: – Мама, можно сегодня опять в школу не пойду, кажется у меня снова температура и это... голова болит сильно!

– Я тебе не пойду! Лишь бы школу пропустить! Вчера дома остался и доволен.

С лаем пронеслась мимо кухни к воротам Марго. Клара подняла голову, прислушиваясь.

– Кто-то у ворот. Ну да, стучат, – сказала она ни к кому не обращаясь.

Лёвик было вскочил, но Ашот велел ему оставаться на месте: – «Доедай! Я чай допил, мне пора идти, как раз открою».

– Это мацони принесли, – сказала Клара, – Сегодня же среда. Если точно мацони, крикни мне от ворот, я возьму пустую банку и подойду. А ты там не жди, иди на работу.

Ашот кивнул и напоследок, втянув носом аромат чахохбили, вышел. По поведению собаки он сразу понял, что прибыл кто-то из своих. Марго не заливалась в лае, а стояла у ворот, слегка повизгивая и виляя хвостом. «Это не мацоншица и не почтальон. Может соседка за чем-нибудь зашла?», – подумал Ашот и пошёл к воротам.

Ашот не ожидал опять увидеть Алика, но на пороге стоял именно Алик. С первого взгляда стало понятно, что он добавил. Это не было сильным опьянением, когда человек мало что соображает, лезет обниматься, поёт или, напротив, ведёт себя агрессивно. Алик всё сообщал, но не твёрдо стоял на ногах, у него слегка заплетался язык, в общем, его развезло, как человека не привыкшего выпивать поутру, не умеющего загонять похмелье обратно новой порцией водки, да и вообще употребляет спиртные напитки не часто и умеренно.

– Уффф, – виновато пробормотал Алик, – пива вот выпил. Представляешь? Первый раз в жизни с утра...

Ашот быстро оглянулся на двор, не идёт ли к ним жена посмотреть кто пришёл, вышел на улицу и плотно прикрыл за собой створку ворот.

– Ты спятил? Почему не пошёл домой? Да, что вообще с тобой не так!

– Я пошёл домой, – устало возразил Алик, но по дороге... уффф... Шекспировед пригласил на завтрак, распечатал твою королевскую водку. Я протестовал, но...

–Амиран? Вот хлебопек хренов!

–Амиран! – подтвердил Алик. – Послушай, я домой не могу... У тебя пересижу час-полтора и на работу пойду. Я не столько пьян, просто пахну самогоном понимаешь...

–Нет! – решительно – отрезал Ашот. – Не хватало ещё, чтобы тебя Клара увидела в таком состоянии. Ты пойдёшь домой, к своей жене! Я тебя провожу, по дороге проветришься. Клара звонила Ирме час назад и сказала, что ты уже ушёл. Не стоит усугублять, дружище. Ирма сразу тебя не съест, она женщина толковая. Накормит, напоит сладким крепким чаем и ещё успеешь до работы часок подремать. А уже вечером она тебе всё выскажет. Иди домой! Так правильнее, поверь, – Он взял друга под локоть. Алик не спорил. Они дошли до спуска, осторожно пошли вниз. Шли молча, не разговаривая. На Советской улице Алик остановил Ашота.

–Ты чего?

–Погоди, зайдём в гастроном.

–За чем?

–Пить хочу.

–Я на работу опаздываю.

–Ну так иди. Я что сам до дома не доберусь? Ты «Боржоми» будешь?

–Нет.

Алик зашёл в гастроном, купил бутылку минералки.

–Сейчас тебе полегчает. – сказал Ашот. Он видел, что Алик пришёл в себя.

–Да уже прошло всё. Только голова болит. Ты иди, я сам.

–Ладно, пока. Я и правда опаздываю. Мне ещё в рабочее переодеться. – Ашот торопливо посмотрел на часы, – Видишь половина восьмого уже! Нам вчера три машины поставили на ремонт. «Шестёрка» проблемная. Там крыло смято и дверь задета. Даже не знаю смогу ли дверь выправить. Если опоздаю завгар доймёт упрёками, а вечером футбол, надо пораньше освободиться.

–Беги. До вечера.

–Будь здоров...

Распроставшись с Аликом, пребывавший в чрезвычайно приятном расположении духа Амиран, прибрал со стола. Спрятал солёные огурцы, смахнул с сыра, путешествующую по нему большую муху, которая укоризненно зажужжав перелетела на плакат «Трезвым взглядом следи за чистотой на производстве», и завернул сыр обратно в газету. Не церемонясь, он просто сдул со стола крошки, затем закупорил и убрал подальше от глаз начальства оставленную ему Аликом початую бутылку с домашней водкой.

Пора было приниматься за работу. Амиран отёр тряпкой пот с лица и принялся напевать вполголоса:

«ам калатши ра да райия?

квели, пури, хачапури, цицила -а-а-а, цицила да-а-а.. цицила да-а-а-а,
чадеби, джонджоли, чинчила...»⁸

Не переставая напевать, он вымыл с мылом руки, надел белый халат и колпак и взялся за тесто. Оно показалось чуть жестковатым. Амиран задумчиво провёл ладонью по щеке и принялся тщательно месить, чтобы довести тесто до нужной ему вязкости.

Размяв как следует послушную белую массу, он принялся очень быстрыми отработанными движениями делить тесто пластмассовой лопаткой на порции. Каждый новый кус сна-

⁸ Примечание – «песня из кинофильма Г.Данелия «Не горюй» снятого в 1969 году. «...Что в корзинке? Сыр, хлеб, хачапури, цыплёнок, кукурузные лепёшки, джонджоли...»

чала плюхался на весы. Весь процесс был систематизирован по ГОСТ-у, отработан годами практики, работа была привычной и спорилась.

Разделив весь замес, Амиран приступил к самой художественной части трудового процесса – лепке. Он взял первый бесформенный кус теста и вылепил колобок. Угрожающе расставив указательный и средний пальцы он проделал в шаре два глаза. Поскольку пальцы Амирана были плотными как сардельки, глаза получились широко открытыми. Казалось, что колобок удивлённо таращится, обнаружив вместо родных бабушки с дедушкой небритого дядьку в докторском халате и колпаке. Не давая ему опомниться, Амиран театрально вытянул руку и второй раз за это утро продекламировал: – «О, бедный Юрик!». Потом он сплюснул колобок, опять превратил в шар, размял и неожиданно ловко вытянул так, что перед ним оказался сырой хлебец шотис пури вполне готовый занять место в строю. За первым появился второй, за вторым третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой... Амиран не лепил, а творил. Он работал с такой самоотдачей, что казалось имея безграничный запас теста, он бы вылепил целую планету с горами, лесами, пустынями и водоёмами.

Вскоре перед ним рядами лежала первая партия хлеба, которой предстояло испечься, чтобы поспеть к завтраку нескольким десяткам семейств. Чувствуя себя генералом на строевом смотре, беспокойный Амиран увлёкся так, что отдал честь и негромко сказал на довольно правильном русском языке, хоть и с грузинским акцентом: – «Здравствуйте, товарищи солдаты! Поздравляю с прибытием к месту службы». Ряды сырых белых хлебцов хранили молчание.

Амиран снял с полки специальную длинную лапку – доску с уложенным на неё мягким ватым наполнителем обтянутую полотном. Он положил на лапку первую заготовку из теста, аккуратно её расправил и подошёл к каменному колодцу разогретой печи. Перегнулся через край, не обращая внимания на жар, и прищёпнул лапкой тесто на кирпичную стенку колодца так низко, куда только мог достать. Тесто послушно прилипло к горячим кирпичам. Амиран сходил за другой заготовкой и снова скрылся по пояс в печи. Так он нырял и выныривал пока не заполнил весь колодец вкруговую снизу доверху. Покончив с этим, он прикрыл отверстие печи круглой крышкой из фанеры и с наслаждением вымыл разгорячённое лицо холодной водой.

ГЛАВА 3

Высокая молодая женщина с умными синими глазами, которым подходило кобальтового оттенка синее платье, по длине чуть прикрывавшее колени, со старомодным, но в то же время радующим око свежестью белым кружевным воротником, стояла у окна просторной комнаты глядя во двор замкнутый кирпичными стенами боковых флигелей. Под одним из флигелей тоннелем проходила сводчатая арка, которая вела на улицу. В конце её, под сенью полукруглого свода угадывались очертания железных ворот и ограды из металлических прутьев с затейливыми копейными наконечниками.

Женщина вряд ли видела стену с аркой и воротами, её задумчивый взор был устремлён сквозь материю. Левая рука свободно лежала на спинке стула, правой она придерживала отёрнутую тюлевую, с узорами похожими на паутину, занавеску. Длинные тёмные волосы не отягощённые ни лентами, ни заколками-невидимками, свободно опускались на плечи. В этой фигуре сочетались женственность и не показное, не наигранное, а какое-то природное спокойствие, обычно означающее волю, уверенность в себе и понимание что можно и чего нельзя требовать от жизни...

Ирма носила грузинскую дворянскую фамилию, утратившую к 1981-му году блеск, но сохранившую звучание. Её дед Константин К выпускник Тифлисского военного юнкерского училища, которое он окончил в 1912 году по первому разряду с присвоением звания подпоручика с 1 годом старшинства, встретил октябрьскую, а затем февральскую революцию в чине поручика на юге России, куда был направлен в формирующийся полк.

После фактического распада Российской империи в 1918 году, оценив ситуацию, он принял решение сменить военный мундир на гражданское платье и вернуться в Тифлис. Путешествие на родину по превратившейся в штормовое море России, заняло более двух месяцев. Свободно владевший русским языком молодой человек, в зависимости от ситуаций в которых он оказывался, выдавал себя то за торговца, то за переодетого красноармейца, то за связного белого движения, то за анархиста. Молодость, кураж и удача сделали своё дело и Константину, или Котэ, как его называли на родине, посчастливилось придти с пароходной оказией сначала в Батуми, а затем добраться до Тифлиса.

Его немедленно арестовали по подозрению в шпионаже, находившиеся у власти социал-демократы. В тюрьме, где бывший поручик провёл около месяца, он познакомился с неким господином, который прибыл в Грузию по поручению ЦК большевиков. Он проникся симпатией к образованному молодому грузину, решил, что тот будет ему полезен и попытался даже завербовать его для, как он выражался, «партийной работы на месте».

Котэ ответил вежливым отказом, но, когда подозрения в шпионаже отпали и его должны были освободить, согласился передать зашифрованное послание от нового приятеля его «знакомым». Этот, не получивший продолжения эпизод, спас его в 1921 году, когда в Грузию вторглась Красная армия и республику советизировали. Начались аресты бывших царских офицеров и в местном отделении ЧК, куда доставили нашего героя, его узнал один из высокопоставленных чекистов – человек, которому он в своё время передал послание от ленинского эмиссара из тюрьмы.

Его признали благонадёжным, отпустили, выдали мандат и даже справку, что «предъявитель сего, Константин К, несмотря на происхождение, являлся участником борьбы за установление советской власти». С таким документом можно было ничего не опасаться. Тот же знакомый чекист рекомендовал его инструктором на пехотно-пулеметные командные курсы.

Июнь 1941 года сорокапятилетний Котэ встретил, будучи преподавателем Тбилисского горно-артиллерийского училища, а в 1942 году он пошёл на фронт, попав в артиллерийский дивизион и прошёл с ним огонь, воду и медные трубы до капитуляции Германии. В 1945 году с ранением и боевыми орденами он вернулся в Тбилиси к жене и дочери, и продолжил преподавать в артиллерийском училище.

Дочь Константина и Веры – Нино в начале 50-х годов вышла замуж и родила девочку. Её назвали Ирмой. Вскоре после этого родители девочки погибли в автомобильной аварии. Ирму воспитали дедушка и бабушка....

Луч солнца дотянулся до длинного деревянного балкона, огненным канатоходцем промелькнул по бельевым верёвкам, по сухой виноградной лозе, скользнул по перилам, вспыхнул на оконном стекле, пронзил похожую на мраморную вуаль занавеску, за которой стояла женщина в кобальтовом платье, и преодолев все преграды, мягко лёг на её руку, лежащую на спинке стула. Между окном и женской рукой в воздухе осталась ровная полоса яркого света, в которой золотыми искорками полыхнули застигнутые врасплох пылинки. Ирма вспомнила вечер, когда очень похоже, в свете фонаря, как загнанный в прозрачную ловушку рой пчёл, метались снежинки...

До спасительной станции метро было рукой подать, каких-нибудь тридцать – сорок шагов. Но эту заметённую снегом дистанцию надо было пройти под обстрелом. Редкие в южном городе снегопады становились кошмаром для женского населения. Группы беззаботных юнцов – школьников и студентов с упоением подстерегали девушек и молодых женщин во дворах, на улицах, у парков. Отовсюду летели заранее заготовленные туго слеplенные снежные шары. Они хлестко врезались в спины, в грудь, в колени (вызывая вопли восторга), проносились совсем рядом (сопровождаясь воплями разочарования), увесисто взрывались снеж-

ной пылью на пальто, шубах, куртках пока несчастная жертва уносила ноги, скользя по льду или хлюпая по слякоти, в зависимости от температуры воздуха. По головам не бросали, но бывало промахивались и попадали даже в лицо. Когда это случалось, воинственность немедленно сменялась раскаянием. Пострадавшую окружали, успокаивали, извинялись, бережно вели под локти, следили, чтобы не упала, а виноватому строго говорили: – «Э-э-э то! Магари хар ра!», что означало: – «Хорош-ш-ш! Нечего сказать!». Впрочем, стоило появиться новой девице, как пострадавшую тут же оставляли на произвол судьбы, не оглядываясь даже, если при этом она падала или валилась на колени, её судьба никого больше не волновала, чтобы самозабвенно открыть огонь по новой мишени.

Если девушка шла с кавалером, их пропускали, как парламентёров, без обстрела. Существовал неписанный кодекс поведения на улице – если девчонка идёт с парнем, её не трогать.

Мимо Ирмы прошли две студентки, безрассудно утратившие за разговором бдительность. Подростки занявшие плацдарм перед метро замерли, расчётливо выжидая чтобы не спугнуть добычу дальним малоточным броском. Девицы вошли в зону обстрела и оказались под шквалом десятков летящих в них снежков. Завизжав от страха и прикрыв лица сумками, они бросились к метро, обстреливаемые почти в упор. Последние снежки взорвались на каменной стене в полуметре от закрывшихся дверей с запотевшими стёклами.

Ужаснувшаяся Ирма, решила перейти через дорогу, чтобы обогнуть засаду и выйти к метро с противоположной стороны. Сзади из синих сумерек показался тёмный мужской силуэт. Поравнявшись с Ирмой, молодой человек в пальто с поднятым воротником, на ходу окинул её внимательным и немного удивлённым взглядом. Он прошагал было мимо, но приметив группировку околачивавшуюся на подходе к метро, оценил ситуацию, подошёл к Ирме, довольно бесцеремонно взял под локоть и повёл по направлению к метро. Они пересекли опасное место, охраняемое незыблемым, как законы берегового братства, уличным кодексом чести и вошли в сухой и светлый вестибюль. Парень галантно бросил за Ирму пятикопеечную монету в прорезь проходного автомата и посторонился пропуская.

–Спасибо, – сказала девушка, только сейчас разглядев его, как следует.

–Не за что.

Они молча спустились по эскалатору, он кивнул ей и пошёл своей дорогой. «Даже не попытался познакомиться», – с невольным уважением подумала Ирма.

Очень скоро судьба свела их во второй раз...

Шёл конец марта. Около десяти утра Ирма вышла из подъезда. День был ярким и солнечным, но ветер, который в Тбилиси называют на армянский манер «супсаркис» (по имени армянского святого Сурб Саркиса) начинает дуть в феврале и не успокаивается иногда до мая месяца, налетал с таким шумным ожесточением, словно пытался разметать людей и тени и перемешать их как колоду карт. Ирма прижала обеими руками сумку к груди и ускорила шаг, почти побежала, подгоняемая в спину хлесткими почти сбивающими с ног порывами. Сзади хлопнула дверь подъезда. Кто-то шёл за ней, быстро нагоняя. Вот он догнал и пошёл рядом. Она посмотрела коротким взглядом, пряча от режущего ветра намокшие глаза, и увидела незнакомого парня, одного с ней возраста, темноволосого, среднего роста, с располагающим к себе выражением лица, которого она, пожалуй, где-то уже видела...

–Мы встречались в феврале у метро Марджанишвили. Три недели назад. Не помните, наверное? – сказал он и она сразу вспомнила.

–Почему же, не помню... Я помню. Вы меня спасли.

–Ну-у-у... так уж прямо и спас, – протянул он, не понимая шутит она или говорит серьёзно.

–Вы тогда так торопились, что я не успела даже сказать: «Спасибо». Вот говорю сейчас – спасибо.

–Ветер уgomонился, – сказал он вместо ответа.

–Что?

–Ветер смолк, как будто.

–Да... Странно.

Они помолчали, не зная о чём говорить.

–Меня зовут Алик. Вообще то Александр, но все зовут Аликом, – сказал он наконец.

–Ирма, очень приятно.

–Я знаю ваше имя.

–Вот как... Откуда?

–Я вас несколько раз видел здесь. Мы с вашим соседом Никой однокурсники, и я бываю у него иногда. Вот и сейчас перед лекциями заехал за конспектом. Он гриппует, сидит дома так что пришлось заскочить. И я вас иногда видел... – Алик смутился словно в этом было что-то неприличное.

–А откуда вы знаете моё имя? – спросила Ирма, которой пришлась по душе эта лёгкая стеснительность.

Алик смутился ещё больше.

–Я спросил у Ники – кто эта краси... кто эта девушка и он сказал, что вас зовут Ирма. И там у метро я вас сразу узнал.

–Почему же вы не сказали, что знаете меня?

Алик пожал плечами,

–Я ведь не не то чтобы знал вас лично, а только видел несколько раз. Было поздно, вы спешили, как-то неудобно. Но зная, где вы живёте, я решил, подойти к вам в следующий раз... вот он и настал...

У всех есть тайны, с которыми не стоит не расставаться, секреты, которыми ни с кем не хочется делиться, жизненные пятна, которым место разве что на обратной стороне Луны. Некоторые из них неизбежны и необходимы, как полезны определённые бактерии внутри организма, в то время, как другие являются мучительными ошибками, которых лучше было бы не совершать.

Солнце скрылось за облаком и полоска света, в которой кружились золотистые искры, мгновенно погасла. Ирма подняла руку, словно пытаясь поймать ускользающий от неё солнечный луч, и положила ладонь на прохладное стекло. Воспоминания привели её туда куда ей не хотелось возвращаться...

В пекарне было душно. Жар от нагретой печи исправно поднимался вверх и накапливался под бурым потолком, постепенно заполняя теплом тесное помещение. Вентилятор хозяйничал лопастями на своём небольшом участке, мешая упитанной мухе добраться до видимой ей одной особо лакомой крупинки. Жужжащее насекомое никак не могло зайти на посадку. Воздушная струя сбивала с курса и муха грузно заваливалась на крыло. Промахиваясь она терпеливо делала разворот и заходила снова на цель.

Окно, через которое шла торговля было открыто настежь. Часы показывали половину восьмого утра – время завтрака, самый бойкий момент для купли-продажи свежесдобитого хлеба.

К окну подошёл очередной покупатель. Им был мужчина лет сорока с сильно выпирающим вперёд брюшком, которое на этой стадии тбилисцы называли уже не «пивной животик», а «брюхо Санчопанчо», вероятно, имея в виду Санчо Пансу, героя романа Сервантеса.

Он кивнул, пожелав доброго утра, неторопливо оглядел остатки уже почти распроданного первого замеса и спросил: – «Что? Уже остыл?».

–Ещё тёплый почти, – уклончиво ответил Амиран, – Сам себя продаёт. Берите, если торопитесь. Куда мне его девать!

–А новую партию скоро достанешь?

–Через пять минут.

–Подожду.

–Ваша воля, батоно, – сказал Амиран и, не полагаясь на вентилятор, опёрся локтями на широкий деревянный подоконник служивший прилавком, высунулся в окно по самые плечи и повертел головой, подставляя разгорячённое лицо ветерку. Неожиданно он увидел Алика и Ашота, которые стояли у гастронома. Алик пил из горлышка минеральную воду «Боржоми», красно-белую этикетку которой невозможно было спутать ни с какой другой даже на такой дистанции.

–Ва! – удивлённо сказал Амиран сам себе, – Он что домой до сих пор не пошёл?

–Кто? – немедленно осведомился «Санчопанчо».

–Приятьель.

–А почему же он не пошёл домой?

–Вот и я в толк не возьму. Может жена не пустила. Изгнала как короля Лира. Слыхали про такого, уважаемый?

–Тяжёлые отношения в семье? – сочувственно спросил толстяк.

– Она ему изменяет, он ей, – коротко драматизировал ситуацию начитанный Амиран, взял палку с металлическим крюком на одном конце, подошёл к печи, снял с неё крышку и принялся доставать палкой хлеб, цепляя его крюком. Стеллажи быстро заполнялись готовым продуктом, распространявшим приятный запах горячей выпечки.

–Погоди, погоди, – позвал собеседник заинтересованный таким интересным поворотом в беседе. – Она ему как изменяет? За деньги или на интерес? С любовником или прямо со всеми? И что – никому не отказывает?

–Вам какое дело? – пресёк Амиран развитие щекотливой темы, сам понимая, что перебрал со своими театральными эффектами. – Хлеба сколько будете брать?

–Один.

Амиран выбрал из печи всю партию. Один вытянутый с благородным изгибом хлебец, он обжигаясь и дуя на свои пухлые пальцы обернул листом газеты из заранее приготовленной для этого стопки и подал клиенту, сухо обронив:

–Идите в магазин. Следующая дверь. Там оплатите на кассе.

–А где живёт приятель то? – не мог успокоиться «Санчопанчо», суетливо перекладывая беспокоивший подушечки пальцев огненно горячий хлеб из одной руки в другую, – Какой у него адрес? Поблизости или как?

–Или как! – мрачно поставил точку в разговоре Амиран, и отошёл от окна. У вентилятора, ему под горячую руку попала муха, которая сообразила добраться до своего завтрака не по воздуху, а по столу, пробежав пешим ходом под воздушной струёй. Она пустилась отрывистым мушиным галопом по ровной поверхности, готовясь закусить, но на полпути её накрыла гигантская тень и припечатала к столу мухобойка. Амиран стряхнул жертву за окно на радость городским муравьям обитающим в щелях асфальта и, словно сбросив с плеч груз, с удовольствием подумал о вечере матче.

ГЛАВА 4

Алик допил минералку, вернул неоплаченную пустую бутылку в магазин и распрощавшись с Ашотом, который, как нам известно, спешил на работу в автомастерскую, неторопливо пошёл по Советской улице, но не в направлении своего дома, а в противоположную от него сторону. Он и не собирался заходить домой.

Утро брало своё и заспанный Тбилиси, по своему обыкновению, с ленцой, заполнялся народом. Время школьников ещё не настало. На службу направлялись советские рабочие и слу-

жащие, работавшие далеко от дома, те кому предстояло добираться переполненным в утренний час пик, ползущим, как черепаха, общественным транспортом на другой конец города.

На карнизах сидели надутые воробы, выжидавшие пока схлынет ажиотаж и народу станет поменьше, чтобы переместиться на асфальт за крошками и жучками. Менее пугливые голуби, хлопотно сновали по тротуару, порой выбегая почти из под самых ног пешеходов, которым приходилось идти лошадиным широким шагом, чтобы не наступать на густые табачные плевки, блестящие в солнечном свете, словно выходящая в этом месте на поверхность золотая жила.

Алик уворачивался от чугунных плеч встречных прохожих, приостанавливался, пропускавая выкатывающегося из-под ног очередного упитанного голубя, перешагивал через самородки блестящей слюны и думал обо всём расслабленно и одновременно, как это бывает, когда добровольно отдаёшься на волю захлёстывающих сознание мыслей, впечатлений и образов.

«От головного проекта Гурам Полифемович меня как пить дать отстранит. Старик разбушевался. Уже шестерых снял и перебростил на другой проект. Наверняка на днях и меня переведёт. Сколько плевков под ногами. Заплевали будто караван верблюдов прошёл. Дрянной табак, горлодёр народ курит. Оттого и заплёвано всё по утрам. О чём я думал... А, ну да Полифемович. А что если мне его Ашотовским вином подогреть? Хм. Пожалуй это неплохая идея. Он известный винолюб. Винохлёб, винофаг, винофоб, виносноб, виногон, винопей. Пожалуй может сработать. Конечно смотря в каком он будет настроении. Голуби под ногами шастают. Совсем не боятся. Воробы те опасаются человека, держат дистанцию. До работы ещё больше часа. Нужно раньше всех подойти, рубашку переодеть. Чистая рубашка имеется в командировочном саквояже. Это удачно. Вот ругаем, ругаем Полифемовича за неожиданные командировки. А очень кстати это оказалось. Там в саквояже у меня и новые носки и электробритва там же припасена. Вот я раньше всех подойду, умоюсь, побреюсь. Кстати... а ведь пока время есть, я успею даже на вокзал смотаться к проводникам. У них всегда фирменное курице можно купить. Вечером на футболе приятно хорошими сигаретами подымить. Совсем у них другой вкус. Не то что эти в ларьке по сорок копеек набитые горлодёром. Футбол. Полуфинал. Срабатывает или нет план с Полифемовичем? Иди же, давай, чего встал, толстяк. В кармане роется. Не иначе как бумажник дома забыл растяпа. Футбол, поле, зелёный газон, мягкий свет ламп, футбольный марш перед началом. Песня рекой льётся, составы объявляют. Как замороженный сидишь на подстланной под зад газетке лузгаешь семечки. Люди вокруг на одной волне с тобой. А эта дама как медленно идёт. На свои ноги смотрит. Новыми сапогами любит. Что мне после футбола делать, а? Пожалуй к Ашоту больше не пойдёшь. Догадаться что дома неладно. А пока ни к чему чтобы знали. Сам не решил ещё ничего толком. Так всё неожиданно повернулось. Неожиданно то как... Эх Ирма, Ирма! Почему скрывала? К чему эти тайны! Если бы вчера когда я домой вернулся с работы, не трендел так громко телевизор, они бы, пожалуй, на кухне услышали что я зашёл и замолчали. Ничего бы не узнал Жил бы и дальше в неведении. Неужели это всё? Конец, развод, распад, расхлеб... Всё пыль, фата моргана, мираж, сухой асфальт ублюдок земляного масла...»

За железной оградой в саду русской церкви зеленели кипарисы, мелькали кусты. Женщины в платках заходили в раскрытые двери храма. Чуть поодаль стоял молодой священник с редко растущей светлой бородкой и в куртке надетой поверх длинной до пят рясы. Алик поймал себя на странной мысли подойти спросить совета, но прошагал мимо ограды, решив, что тот сочувственно выслушает и выскажет какое-нибудь подходящее философски глубоко-мысленное напутствие вроде: «а кто не грешен?» или «не суди и не судим будешь».

«Нет, не то. Самому придётся решать. Всё самому. За церковь тут не спрятаться как ни крути», – подумал он и вспомнил вчерашний вечер...

Вернулся с работы в половине седьмого. По дороге купил у старушки перед станцией Марджанишвили два букетика фиалок, маленьких скороходов весны. Открыл дверь. С порога

услышал неразборчиво бубнящий телевизор, приглушивший его приход. Дверь кухни была неплотно прикрыта. «Наверное соседка зашла кофе попить с Ирмой. Ангела или тётя Нанули, а может Роза Абрамовна с первого этажа. Подойдя к двери собрался войти поздороваться, но услышал незнакомый женский голос и невольно помедлил одно мгновение, которое перевернуло всю его жизнь.

«Ирма, детка, ты бы сказала мужу! Как скрывать такое?! Да мало ли что у кого было до встречи с супругом! Ты ведь его тогда и не знала ещё. Если что до свадьбы и случилось, так то наши женские тайны. Хоть сама понимаешь как на это в Грузии смотрят. Конец света! Девственность потеряла, всё гуляющая! Но всё-таки это полбеды, можно умолчать. Но у тебя то случилась беременность! Прерванная, аборт делала. Теперь вот сама говоришь деток завести не можете. А, если это связано? Нет, детка, муж должен узнать от тебя. Мой бедный Ладо был виноват перед тобой. Но видишь, – женщина заплакала: – как жестоко Господь наказал меня за это. Но ты мужу расскажи, не скрывай, он должен от тебя узнать».

Алик услышал голос Ирмы: – Я всё это понимаю... слова пустые, ими не передать, что чувствую... Обманывать его нечестно. Так мерзко, гадко... самой противно! Я всё выстрадала, опустошила всё внутри себя... я... В глаза ему смотреть больно. А как сказать не знаю. И надо ли говорить, ведь для меня словно ничего этого не было».

Алик оглушённый услышанным повернулся, дошёл до входной двери, громко хлопнул дверью, словно только зашёл, крикнул «Я дома!». Вручил Ирме фиалки, но не поцеловал, как обычно, не смог. Вошёл на кухню, познакомился с гостьей. Только после её ухода он задал прямой вопрос. Выслушал, кивнул и молча ушёл испепеляемый тоской. Ноги сами привели его к Ашоту...

На углу Плеханова у станции метро Марджанишвили было уже многолюдно. Тяжёлые обитые медью двери с толстыми стёклами не успевали закрываться – в одну потоком вливался народ, торопящийся пронестись под городом на скоростном поезде, из другой выливался на улицу. Утро набирало обороты, людей и автомобилей прибывало, на асфальте нервно металась тень голубей, которые с сухим треском хлопали крыльями проносясь вкруговую над площадью, словно кто-то размашисто бил себя сильными широкими ладонями по литым бёдрам.

Всё это Алик видел каждый день, всегда чувствовал себя частью городской суеты, деталью исправно работающего огромного механизма. Но сегодня он смотрел на город отчуждённо. В душе не ощущалась гармония, делавшая жизнь приятной. Обычно по пути на работу, его занимали мысли о проекте, сослуживцах, служебных разговорах, расшатавшемся кульмане, футболе, наступающем лете, и об этом думалось так спокойно потому что он знал – вечером дома его встретит Ирма, они обсудят день, поговорят обо всех этих милых пустяках, звеньев из которых и состоит цепочка событий. О том что с его проектом, какие новости в отделе, сколько ещё протянет кульман, насколько серьёзна травма Владимира Гуцаева, который разыгрался и забивал по голу в каждом матче на кубок кубков в этом году, поужинают, может сходят в кино. Алик дошёл до площади с клумбой в центре, и свернул направо на проспект Плеханова.

Солнце поднималось над городом окружённым горами, которые утренняя заря окрасила в нежно розовый цвет. Самые дальние отроги на востоке ещё тонули в тени. Где-то там в далёких речных низинах держался туман, траву покрывала роса, в кустах синих предрассветных оврагов вздыхали сонные птицы...

«Твою дивизию!» – со злостью выругался старший лейтенант с мотострелковыми значками на петлицах и с красной повязкой «Военный патруль». Он сердито разглядывал прилежавший сверху и севший аккуратно над повязкой сгусток голубинового помёта. Офицер нетерпеливо стянул серую форменную перчатку и принялся ей брезгливо сбивать непрошенный дар природы к радости двоих следовавших за начальником рядовых патрульных.

– Хорошо, что не на погон вам насрал, товарищ старший лейтенант! – с удовольствием сказал худощавый солдат с насмешливым лицом, носившим следы перенесённой когда то ветрянки. Его товарищ – кривоногий увалень с красным деревенским лицом, и сдвинутой на затылок фуражке, открывавшей стриженный русский чуб, насмешливо возразил: – Это смотря куда на погон. Упала бы какаха рядом с третьей звёздочкой быть бы вам, товарищ старший лейтенант, капитаном.

Начальник патруля уловил насмешку.

– Хорош зубоскалить! Отставить разговоры! Совсем оборзели. Фуражку поправь! Это тебе не тюбетейка. Прикрой глаза козырьком. Они меня бесят.

– Так, товарищ старший лейтенант, как положено надета у меня фуражка...

– Буй тебе в карман положен! Оправь головной убор сказано! Ты в патруле, а не на базаре под Рязанью!

– Под Калугой, товарищ старший лейтенант. Калужские мы.

– Поучи меня географии ещё. Вот так, ещё, ещё ниже козырёк ставь. Чтоб на два пальца от переносицы. Вот теперь как положено. И больше усердия, а то не вижу того энтузиазма, с которым ты меня неумело поддеть пытался.

Солдаты видя, что начальство не в духе скисли и опять поплелись сзади.

Начальник патруля резко остановился и по охотничьи насторожился. На другой стороне площади, мелькнул зелёный армейский бушлат. Но уже в следующее мгновение он понял, что это не солдат, а гражданский, вероятнее всего рабочий, напавший сохранившийся у него со срочной службы бушлат.

– Стой! Перекур, – хрипло скомандовал старлей. Они остановились у металлического бортика сбоку от зебры-перехода. Офицер откинул полу шинели, выудил из кармана брюк-галифе пачку «Колхиды» открыл её и увидел, что внутри осталось всего две сигареты.

– Не угостите сигареткой, товарищ старший лейтенант? – обратился к нему худощавый солдат.

– Последняя, – бросил старший патруля, – А ладно! Забирай вместе с пачкой. Пачку брось в ту урну, а не под ноги.

– Обижаете. Что ж я не понимаю? На площади, да ещё в патруле, прямо на тротуар хульну?

– А кто тебя знает!

Краснолицый увалень попросил приятеля: – «Оставь добить».

Тот нехотя кивнул, но заметив идущего прямо на них прохожего, торопливо толкнул краснолицего локтем.

– Не угостите закурить? – обратился увалень к среднего роста темноволосому мужчине с открытым, грустным лицом, который нёс спортивную сумку.

Алик остановился, достал пачку «Мтквари», протянул солдату. «Бери ещё, – предложил он, когда солдат робко вытянул одну сигаретку: – Да бери больше не стесняйся».

– Хорош побираться! – окрысился старший лейтенант на подчинённого, – Позорите армию перед населением!

– Да ладно, тебе, командир, – примирительно возразил Алик, – Я сам срочную служил, у солдат всегда с табаком кисло.

– А где служил? – успокоившись поинтересовался старлей. – Поваром или хлеборезом?

– Почему поваром или хлеборезом?

– Так вы кавказцы любите работать при кухнях. Ну и умеете устраиваться. Это я не в обиду, наоборот, молодцы мол. Да и готовите добро.

– Нет, я на севере служил. В ракетных войсках, командиром пусковой установки. А готовить как раз совсем не умею.

– Командиром пусковой? В ПВО выходит. А должность то офицерская! Это как?

–Верно в ПВО. Зенитно-ракетная часть под Ленинградом. Я как и ты офицером служил, только ты кадровый, а я «двухгодичником». Забрали сразу после политеха, у нас при ВУЗ-е военная кафедра была. Значит я лейтенант запаса, инженер. Понимаешь? Вот меня в ракетчики и определили.

–Понятно. – кивнул офицер. – А я из Воронежа. Слышал может выражение: «город Воронеж не догонишь».

–А до Грузии где служил?

–В Минске. Белоруссия.

–Ну и где лучше? Как считаешь?

Старлей пожал плечами: – «Сложно сказать. Свои плюсы, свои минусы... У вас тут, конечно, потеплее. Потом в Грузии фруктов полно, соки фруктовые, хоть обпейся ими! Персиковый нектар я первый раз здесь попробовал. Густой как кефир. Вкуснятина. Конечно здесь с продовольствием получше будет. Сыров много разных, лимонады всякие. Куры и сосиски в гастрономе часто бывают, не говоря уже о колхозных рынках, Там вообще коммунизм. Таких рынков как у вас я в Минске честно говоря не видел. В Минске не так обильно с пропитанием. Но вот если сказать молочное, так оно там покачественнее местного будет. Сметана, творог, простокваша гуще и жирнее, чем здесь... Зато опять же – у вас водочный рай. Водки, коньяки свободно в магазинах на полках рядами стоят и никаких очередей! Просто чудеса в решете! Как солдаты на плацу. И никому по ходу до них дела нет. В Воронеже у нас такое дело расхватали бы в одну минуту. А здесь никто и не смотрит. Может оттого, что местные больше вино пьют, а не водку. А вот кому здесь туго приходится так это офицерским жёнам».

–Это отчего? – не понял Алик.

–В оборот сразу берут. На улице завидят блондинку и каждый второй клеиться к ней начинает. Вот на днях мою жену частник подвозил. Я, говорит: в цеху работаю, женское бельё шьём, лифчики в основном. Моя жена... ну дура баба чего с неё взять, возьми и спроси: а нельзя ли у вас купить, если хорошее качество... Ну, ты сам понимаешь в стране вечный дефицит всего...

–Ну и?

–А тот отвечает: можно. Ну почему же нельзя. Особенно, если я сам на тебя его надену. – Старлей недовольно скривил губы, – Ну вот зачем так с чужой женщиной? Я, конечно, понимаю, некоторые наши бабы сами себе такую славу создали, но всё-таки не по людски как-то. Но что характерно, при этом денег за проезд с неё не взял.

–Согласен, – ответил Алик смутившись, словно сам оказался виноват.

–А ты женат?

–Женат, – кивнул Алик.

–Слушай, – старлей замялся, – просто чудо как любопытно... А правда, что кавказские женщины до свадьбы все, как одна девственницы?

Алик замялся не зная, что отвечать. Сейчас этот вопрос бил ему не в бровь, а в глаз.

Выглянувшее из-за высокого здания, построенного при Сталине на месте когда-то стоявшей на этой площади немецкой кирхи, солнце ослепило и он заслонился ладонью. Раздался длинный переливистый до тошноты свисток. Он напугал голубей, резко взметнувшихся с клумбы посреди площади. Прятавшийся всё это время за гладким широким стволом платана, гаишник с белой портупеей поверх шинели, торопливым шагом направился к зелёному «Запорожцу» с грунтовым пятном на переднем крыле, который объезжая остановившийся перед ним «Москвич» пересёк двойную линию и оказался на встречной полосе.

–Ну как бы тебе это самое... Не все как одна, конечно. Так не бывает, чтобы прямо все, как одна, но, большинство девственницы. Ну считается, что этим женщина доказывает уважение, любовь своему мужчине, сохранив себя для него одного. Я так полагаю... В общем, традиции, – сказал Алик и неожиданно для себя добавил, – Восток ну...

Это дополнение прозвучало оправданием, словно он сомневался в незыблемости традиций и возникла какая-то досадная двусмысленность, но старлей кивнул, показывая, что одобряет сказанное.

Докурили, разговаривать больше было не о чем, обменявшись рукопожатием они разошлись, думая каждый о своём...

Автоинспектор пересёк проезжую часть, грозно взирая на послушно останавливающиеся перед ним автомобили. Непокорные водители издали завидев маячущую на дороге белую португую гаишника из необъезженных диких мустангов становились ручными лошадками.

Из «Запорожца» навстречу милиционеру поднялся наголо бритый мужчина средних лет, среднего роста и средней комплекции. У него были живые глаза и очень подвижное лицо, отображающее его настроение. Водитель ослепительно улыбнулся милиционеру. Но ответной улыбки не получил так как представитель власти скептически оценил его средство передвижения и понял, что много тут не возьмёшь, а стало быть улыбаться нечему. Он приложил руку к козырьку и по отработанной годами привычке очень неразборчиво назвал: – «Испктр Пунчитцецсс», – что могло бы означать инспектор Дучидзе, а могло и инспектр Буачидзе или инспектр Кучидзе.

–Что я сделал, уважаемый? Зачем остановил среди бела дня?! При людях позоришь. Не дай бог знакомые увидят. Что подумают то-о-о!

–Что хотят пусть то и думают. Вы пересекли двойную линию, выехали на встречную полосу, чем создали аварийную ситуацию.

–А, что я должен был делать?! А? Отвечай! «Москвич», как разбойник посередине улицы встал. Всю дорогу мне закрыл. Ты волка отпустил, зайца поймал. А я в театре работаю, на репетицию опаздываю! – Нарушитель в разговоре тонко подчеркнул свой театральный статус, надеясь на амнистию. Но искусство оказалось бессильным.

–Где вы работаете, гражданин, меня не касается. Вы нарушили правила уличного движения. Ваши права, талон и техпаспорт. А кинотеатр здесь не при чём.

–Не кинотеатр. Какой там кинотеатр?! Театр.

–Ну пусть будет театр. Одно и то же. И там, и там на стуле сидишь. Но к делу это отношения не имеет.

–Но я же артист! – с апломбом возразил нарушитель и словно стал выше ростом, – Опаздываю на утреннюю репетицию. Мы «Дневник Анны Франк» ставим для детей. Да это же политический вопрос! Ты срываешь спектакль! Встаёшь на пути воспитательного процесса! Что? По твоему дети не должны знать про зверства нацистов? Вот же театр, вот! Двадцать метров не доехал! Я фашиста играю. Видишь режиссёр голову заставил побрить. Что? Мало тебе?

–А, что фашистам у нас разрешено ездить по встречной полосе?

–Конечно нет? Ну что вы? – лстиво засмеялся артист.

–Были бы вы, уважаемый, фашистом я бы сейчас не в талоне вам дырку поставил, а в другом месте, – невозмутимо озвучил инспектор свои намерения касательно дырки в талоне, чтобы нарушитель живее раскошелится, – Не тяните время э-э-э, оно для меня деньг... ибсс... бесценно.

–А ты на футбол сегодня идёшь? – попытался придать беседе развлекательный характер, бритый нарушитель. – Я полагаю наши выиграют. А ты, как считаешь?

–Не знаю, не знаю. «Фейенорд» вам не «Кастория».⁹ Это очень сильный противник. Не знаю. Давайте уже права, э-э-э, кацо! Вам репетировать, а мне зарабатывать... то есть заработался... в смысле работать с нарушителями общественного порядка! Видишь сколько их, нарушителей, – милиционер нетерпеливо мотнул головой, имея в виду автомобили на проезжей

⁹ Примечание – «Кастория» – греческий футбольный клуб, который Динамо Тб одолело в 1/16 Кубка кубков 1981 г на пути к полуфиналу

части, и его глаза блеснули, как только, что отчеканенные монеты, – А я один! И каждый из вас мне чего-то объяснить пытается. Нарушил так без лишних слов расплатись... я хотел сказать извинись и езжай себе дальше.

Артист понял, что открутиться не получится, сник, достал книжечку водительских прав, с заранее вложенной «на этот случай» за загиб обложки пятирублёвой купюрой и понуро подал инспектору, пробормотав: – «Посмотри, что можно сделать».

Тот приоткрыл права, ловким движением опытного факира, двумя пальцами дотронулся до купюры и она мгновенно растаяла в воздухе, а права вернул владельцу: – «Больше не нарушайте», и опять приложил руку к козырьку. Оба притворялись, что никакой пятирублёвки в глаза не видели.

Охотник и жертва повернулись друг к другу спинами.

«Лучше, чем ничего!», – подумал гаишник, возвращаясь в укрытие.

«Чтоб ты подавился!», – подумал артист, садясь в «Запорожец». Трогаясь с места он с неудовольствием заметил, как гаишник перепрятал его пятёрку из рукава шинели в карман.

Чуть поодаль стоял военный патруль. Два солдата курили, а офицер разговаривал с молодым мужчиной, прижимающим к себе спортивную сумку. Они пожали друг другу руки и пошли в разные стороны.

«Броуновское движение, – устало подумал работник сцены, трогаясь с места, – Хорошо бы перед началом пропустить стаканчик прохладного вина. Надо заглянуть к осветителям».

ГЛАВА 5

Аллюминевые ложки черпали густое крутобёдрое море. Они волновали и разбрызгивали его огнедыщающую поверхность, вырывали из пучины наваристые обломки кораблекрушений, за которые цеплялись клейкие кусочки требухи, островки разваренных сухожилий и сегменты остропахнущего чеснока. Всё это уносилось ввысь, проходило между смыкающимися и размыкающимися Симплегадами и с шумом скрывалось в чавкающей пещере. Время от времени из глубины пещеры показывалась розоволипкая Сцилла. Она тянулась к верхней Симплегаде, шумно проходила по ней сметая всё что пыталось укрыться на жёстких кустах и утаскивала добычу обратно в пещеру, из недр которой несло урчание Харибды. Ложки вёсла вновь погружались в волнуемое море, так корыстно подбирая его дары, что с минуты на минуту следовало ожидать прибытия вооружённого трезубцем Посейдона, который если и не появился до сих то лишь оттого, что не мог решить сможет ли он вызвать бурю более сильную, чем бедствия порождаемые вёслами ложками.

Утреннее поглощение хаши, густого супа из коровьих ног и рубца, напоминающего своей ячеистой текстурой вафельное полотенце, находилось в самом разгаре. Пельменная, предприимчивый заведующий которой придумал по утру варить хаши, чтобы увеличить торговый оборот, имела стену смежную с райотделом милиции Первомайского района. Это удачное обстоятельство обеспечивало питательный завтрак, которого хватало до ужина, заступающим в 7:00 на охрану правопорядка района милиционерам полка ППС, сменявших сотрудников полка ночной милиции, которые закончив ночное дежурство также являлись подкрепиться хаши.

Хаши варили всю ночь, чтобы к шести утра встретить ранних посетителей, среди которых преобладали люди в серых милицейских фуражках, уважающей себя глубокой миской горячего супа с островами из мяса, костей и рубца. К хаши подавали шотис пури – грузинский хлеб, который милиционеры по деревенски обильно крошили в миски, а также соль и давленный чеснок. Едоки сами по вкусу сдабривали напресно сваренный суп солью и чесноком и, не теряя времени запускали в него выдавшие виды общепитовские аллюминиевые ложки.

Без пятнадцати минут семь, сытно подкрепившись, разрумившиеся от горячей пищи пэпээсники утирали жирные губы и распространяя крепкий запах чеснока, спешили в рай-

отдел за табельными пистолетами, рациями и инструкциями от командиров взводов. Через полчаса после этого наступало время завтрака ночной милиции. Невыспавшиеся, но довольные тем, что ночное дежурство закончилось, жадно вдыхающие ароматы чеснока и горячего мяса, рядовые и сержанты со здоровыми крестьянскими лицами заполняли помещение и принимались орудовать ложками, черпать густое крутобёдрое море, волновать, разбрызгивать его огнедышащую поверхность, вырывать из пучины волнообъятые острова, крутобокие корабли и плавающие на поверхности наваристые обломки кораблекрушений, за которые цеплялись клейкие кусочки требухи, разваренных сухожилий и сегменты остропахнущего чеснока...

По соседству с поклонниками хаши, прожигали утро любители пельменей. Здесь всё обходилось без ярких красок, без драматизма, без тучегонителей в серой униформе. Посетители заправлялись едой, как автомобили горючим. Они не искали в пельменях счастья, а торопливо поедали их, не давая остыть. Политые жидковатой сметаной бледные пельмени скромно теснились в тарелках не окутанных той атмосферой праздника, который витал над дымящимися мисками с золотистым хаши. На вилки размеренно без огонька накалывали один пельмень за другим, потом возили ими по остальным, вынуждая делиться сметаной, после чего отправляли в рот. Десятки жующих ртов под сметанными усами, ряды отборных орлиных носов крупного кавказского калибра, медноострых взглядов копьями пронзающих мелькающие на улице женские пальто ниже спин. Алик скользнул взглядом по сонному пельменному царству и проследовал своим курсом.

–Хм, – покачулся один уже знакомый нам нос, обращаясь к соседнему, нарушив тем равнение ряда. – Видите прохожего, – нос указал на проходящего мимо заведения Алика. Соседний нос тоже развернулся в указанном направлении и утвердительно покачулся снизу вверх.

–Час назад... это самое большее, брал хлеб в пекарне на Советской. Знаете там толстый пекарь, стихами любит разговаривать.

Сосед кивнул, не столько для поддержания беседы, сколько для её ускорения.

–Так вот. Этот, что проходил тут, напротив пекарни «Боржоми» пил. Очевидно утолял жажду. Его жена из дому выставила. Продавец хлеба сказал – его знает.

–Очень интересно. И что дальше? – немного раздражённо отозвался сосед, тщательно подбирая наколотым на вилку предпоследним пельменем, закруглённые, как руины античного амфитеатра остатки сметаны на тарелке.

–Его жена никому не отказывает. Ну вы понимаете о чём я. Любой может поудить в её заводи, – выдал клубничную сенсацию «Санчопанчо». – Адрес хотел взять, но пекарь зажал. Знаете никто не хочет рыбными местами делиться. – Он повернулся к соседу, ожидая реакции. Однако, того больше интересовал последний пельмень, на который сметаны осталось совсем мало, что огорчало едока.

Перед тем, как отправить остатки завтрака в рот, он спросил «Санчопанчо»: – «Что же это вы? Горячий шотис пури покупали, а завтракаете пельменями». Тот махнул рукой, в которой держал вилку.

–С женой поссорился. Пришёл домой в отличном настроении. Горячий, как солнце хлеб принёс, а она мне в чай сахар не положила. «Сам говорит, пожалуйста, положи. Вот на столе сахарница, а мне причесаться надо и губы накрасить, на работу опаздываю». Представляете, батоно?! Даже стыдно повторить такое. Губы красить! Что они – картина или потолок?! Ты человеком будь! Встань на час раньше, если не успеваешь. Моя бабушка вставала в пять утра скотину кормила, бельё в холодной речке стирала. Стиральную машину в глаза не видела то-о! Потом? Потом корову доила. Кукурузную лепёшку успевала мужу испечь! О помаде вообще не слыхала. Даже не знала что такое бывает на свете. Словом всё настроение мне испортила. Ну, я швырн... аккуратно положил хлеб на стол, повернулся и ушёл.

–Молодец, – с сарказмом ответил сосед, разделяясь с последним пельменем.

–Но этот гусь то каков, а? Жена изменяет, а он как ни в чём не бывало по улице ходит.

–Говорите пекарь вам рассказал?

–Ну да, он ещё...

–Пекарь вам, а вы мне. Незнакомому человеку. На женщину наговариваете, мужа судите. И заметьте, никого из них даже не знаете. Своей жене из-за того, что замоталась, как запряжённая в колыхающую лошадь и сахар вам в чай не положила, хлебом зарядили. И не стесняетесь об этом рассказывать в пельменной. Сплетни разносите как горячие пирожки. Да этот пекарь... Он известный на весь район сказочник! Его прозвали Мучной Шекспировед. Муч-ной! В прошлом году он меня уверял, что к нему лично Эдуард Шеварднадзе по утрам приезжает за свежим хлебом, чтобы о Шекспире поболтать. Если язык размять с утра хочется, о футболе бы говорили. Ведь такой матч вечером, а вшивый всегда о бане!

–Шеварднадзе разве не в Ваке живёт? Не у Круглого сада? Далеко ведь сюда тащиться... Хотя, конечно, Дато Шекспир легендарный вор! Личность. О таком и поговорить лишний раз не грех. Но всё-таки зачем о нём по утрам разговаривать?

Сосед молча поглядел на него, покачал головой, поднялся и вышел на улицу.

Ветер раздул застывшую занавеску, и в окно ворвался громкий непрошенный гудок автомобильного клаксона. Он резко оборвался, ветер утих, занавеска опала.

Ирма нервничала. Она посмотрела на часы. Около восьми утра. По средам у неё было два урока – третий и четвёртый в восьмом и десятом классах. Средняя школа, где Ирма преподавала английский язык находилась недалеко от дома.

«Как раз, успею постирать», – решила она.

Ирма собрала в жестяной таз бельё и вышла на просторный деревянный балкон – галерею, на который выходили двери соседей. Сухие доски закрипели под ногами, ворчливо приговаривая: – «Стирать стирать...».

Ирма переживала, и этот скрип усиливал тоску, делал её совсем беспросветной. Она старалась ступать по полу легко, чтобы он не ныл, не мотал душу. Но таз полный белья был слишком тяжёл. Ноша оттягивала руки, делала шаги неровными и полновесными. И доски под ногами вели себя как клавиши ненастроенного рояля.

В конце галереи располагался водопроводный кран с гигантской, квадратной раковиной, очень удобной для стирки. Женщины предпочитали стирать здесь вручную, когда позволяла погода.

На перилах сидел упивающийся весной рыжий кот с верхнего этажа. Горящими, как сигнальные огни семафора, глазами он не отрываясь смотрел вниз, наблюдая за симпатичной кошечкой, выгибавшей грациозную спинку под толстыми узловатыми ветвями старого инжира. Кот не удержался и восторженно зашипел. Кошка выстрелила взглядом вверх, увидела кота, кокетливо провела лапкой по мордочке, лизнула её и нежно сказала: – «Мяу». Рыжий кот, не отрывая взгляда от её томных зелёных глаз, встал и наигранной леопардовой походкой пошёл по перилам. Он мягко перемахнул на карниз, оттуда прыгнул на перила первого этажа и пружинисто соскочил на землю. Оказавшись внизу он выпустил когти передних лап и провёл ими по асфальту, в знак того, что имеет самые серьёзные намерения.

Сверху раздался оглушительный детский крик: – «А-а-а!». Кот от неожиданности вздрогнул и припал к земле, а кошечка метнулась к растущему в центре двора инжировому дереву, которое соседи называли Одиноким пастух, взлетела по его стволу и притаилась среди веток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.